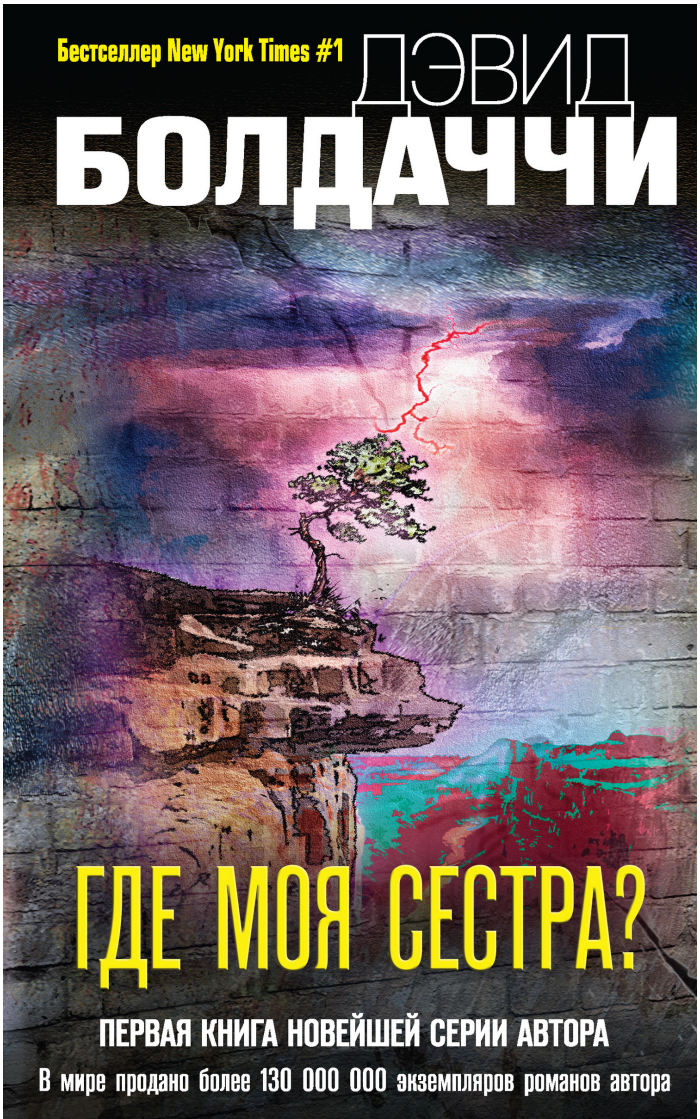
Бестселлер New York Times #1

ДЭВИД

БОЛДАЧЧИ



ГДЕ МОЯ СЕСТРА?

ПЕРВАЯ КНИГА НОВЕЙШЕЙ СЕРИИ АВТОРА

В мире продано более 130 000 000 экземпляров романов автора

Дэвид Болдаччи

Где моя сестра?

Серия «Дэвид Болдаччи. Гигант мирового детектива»
Серия «Этли Пайн», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44527157
Где моя сестра?: Эксмо; Москва; 2019
ISBN 978-5-04-105117-4

Аннотация

В памяти у Этли Пайн, словно стальная заноза, засело воспоминание: ей шесть лет, и вторгшийся в их дом мужчина выбирает с помощью детской считалки между ней и Мерси, ее сестрой-близнецом. В итоге он останавливается на Мерси и уносит ее с собой. Больше Этли никогда не видела сестренку…

Теперь, спустя тридцать лет, специальный агент ФБР Пайн едет в тюрьму особо режима, где отбывает пожизненный срок особо опасный убийца-маньяк, признавшийся во многих преступлениях. Этли узнала его. Это он приходил в их дом вечность назад. И теперь она хочет задать ему всего один вопрос: «Где моя сестра?»

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	19
Глава 3	34
Глава 4	45
Глава 5	58
Глава 6	66
Глава 7	71
Глава 8	82
Глава 9	94
Глава 10	101
Глава 11	109
Глава 12	117
Глава 13	126
Глава 14	134
Конец ознакомительного фрагмента.	140

Дэвид Болдаччи
Где моя сестра?

Кристен Уайт, нашей правой руке и левой ноге. Я не знаю, что мы бы без тебя делали, и надеюсь, что никогда не узнаем. Замечательному коллеге и другу.

David Baldacci
ABSOLUTE POWER

Copyright © 1996 by Columbus Rose, Ltd.

© Гольдич В.А., Оганесова И.А., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Дэвид Болдаччи – настоящий классик остросюжетного жанра. Он выпустил более 30 произведений, переведенных на 45 языков и вышедших в 80 странах общим тиражом более 130 000 000 экземпляров; при этом каждый его роман становился международным мегабестселлером. Имя Дэвида Болдаччи занесено в Международный зал славы писателей криминального жанра. Его романы называл в числе своих любимых президент США Билл Клинтон. По его книге «Абсолютная власть» был снят одноименный киноблокбастер, режиссером и исполнителем главной роли в котором стал Клинт Иствуд. Также по романам Дэвида сняли популярный телесериал «Кинг и Максвелл» (2013). В довершение ко всему в 1997 г. журнал «Пипл» включил Болдаччи в список 50 самых красивых людей планеты.

Болдаччи по-прежнему не имеет себе равных.
Sunday Times

Один из самых успешных авторов в жанре триллера, Болдаччи попросту не нуждается в представлении.
Daili Mail

Болдаччи словно бы примеряет кожу своих героев – и поражает нас глубиной своей эмпатии.
Sunday Express

Болдаччи – один из лучших авторов триллеров всех

времен.
Лиза Гарднер

Этли Пайн – героиня, которую я никогда не забуду.
Тесс Герритсен

И снова вы можете произнести слова «Болдаччи», «бестселлер» и «киносценарий», не переводя дыхание.
Chicago Sun

Глава 1

Эни, мини, майни, мо.

Специальный агент ФБР Этли Пайн смотрела на мрачный фасад тюремного комплекса, в котором содержались едва ли не самые опасные люди-хищники на земле.

Сегодня ей предстояла встреча с одним из них.

Исправительная тюрьма максимально строгого режима исполнения наказаний Флоренс, находившаяся в сотне миль к югу от Денвера, была единственной такого рода в федеральной системе. Отделение особо строгого режима являлось одним из четырех в федеральном исправительном комплексе. В целом на этом участке земли содержали более девятисот заключенных.

С высоты птичьего полета Флоренс напоминал россыпь бриллиантов на черном фетре, а люди, охранники и заключенные, были жесткими, как драгоценные камни. Здесь не знали жалости к малодушным или тем, кого легко запугать, однако потерявших рассудок только приветствовали.

В отделении строгого режима, среди прочих, сейчас содержались Унабомбер, Взрывник бостонского марафона, террористы 11 сентября, серийные убийцы, авторы взрывов в Оклахома-Сити и шпионы. А также лидеры белых расистов и боссы мафии и картелей. Многим из заключенных предстояло умереть в федеральной тюрьме, отбывая по несколь-

ко пожизненных сроков.

Тюрьма находилась в настоящей глуши, и никому еще не удалось из нее сбежать, но, даже если б кому-то и сопутствовал успех, ему было бы негде спрятаться. Вокруг тюремного комплекса не росло ни единой травинки, ни единого дерева или кустика. Здание по периметру окружала стена высотой в двенадцать футов, поверх которой шла армированная колючая проволока, а вдоль всей длины были установлены датчики движения. Пространство вдоль стен патрулировали охранники с собаками – двадцать четыре часа в сутки и семь дней в неделю. Любой заключенный, добравшийся до этого места, будет почти наверняка убит либо клыками, либо пулями. И едва ли многие станут скорбеть о серийных убийцах, террористах или шпионах, похороненных в земле Колорадо.

Из окон в камерах, шириной в четыре дюйма и длиной четыре фута, пробитые в толстом бетоне, заключенные видели лишь кусочек неба и крышу тюрьмы. Флоренс был устроен так, что ни один заключенный не знал, в какой части комплекса он находится. В камерах, размером семь футов на двенадцать, в буквальном смысле все, кроме самих заключенных, было сделано из уложенного бетона. Душ выключался автоматически, туалеты имели защиту от засоров, надежная изоляция стен не позволяла заключенным контактировать друг с другом, двойные стальные двери открывались и закрывались при помощи механизированной гидравлики, а еду подавали через щели в металле.

Любое общение с внешним миром запрещалось, за исключением комнаты посещений. Для непокорных заключенных или на случай кризисных ситуаций имелся блок Зед, известный также под названием Черная дыра. Там полностью отсутствовало освещение, а в каждую бетонную кровать были встроены ограничители движения.

Одиночное заключение являлось здесь правилом, а не исключением. Тюрьма строгого режима существовала не для того, чтобы узники заводили новых друзей.

Охрана обыскала и тщательно отсканировала автомобиль Этли Пайн специальными устройствами, имя и документы сверили со списком посетителей, после чего ее сопроводили к главному входу и показали стоявшим там охранникам ее документы специального агента ФБР. Из своих тридцати пяти лет жизни последние двенадцать она провела с блестящим значком на бедре. На золотом фоне распростер крылья орел, под ним стоит Юстиция с весами и мечом. Пайн видела определенную справедливость в том, что на значке, представляющем лучший правоохранительный орган в мире, изображена женщина.

Она оставила свой «Глок 23» охранникам, а «Беретту Нано», которую обычно носила в кобуре на лодыжке, – в машине. Пожалуй, единственный случай, когда Этли добровольно отдала оружие. Однако федеральная тюрьма особо строгого режима установила собственные правила, которые ей приходилось соблюдать, если Пайн хотела попасть внутрь, – а она

очень хотела.

Этли Пайн была высокой, более пяти футов и одиннадцати дюймов босиком. Такой рост достался ей в наследство от матери, которая могла похвастаться своими шестью футами[1]. Однако Пайн не отличалась гибкостью и изяществом, и ее никогда не пригласили бы позировать для обложки журнала в качестве худой, как щепка, модели. Она стала крупной и мускулистой благодаря ежедневным фанатичным занятиям культуризмом. Ее бедра, икры и ягодицы, твердые как камень, а также плечи и дельтовидные мышцы привели бы в восторг любого скульптора; сильные руки представляли собой сплетение мышц, и вся она казалась выкованной из куска железа. Кроме того, Пайн участвовала в соревнованиях по смешанным единоборствам и кикбоксингу и научилась множеству приемов, позволявших ей одерживать победу над более крупными соперниками.

Эти умения она изучала и оттачивала с единственной целью – чтобы выжить в мире мужчин. Физическая сила, выносливость и уверенность, которые они давали, требовались ей как воздух. Угловатые черты лица делали ее внешность привлекательной и даже завораживающей. Темные волосы спадали до плеч, а будто подернутые дымкой голубые глаза казались удивительно глубокими.

Пайн никогда прежде не бывала во Флоренсе. Ее вели по коридору два дюжих охранника, не сказавших ни единого

[1] Примерно 180 см и 183 см. – *Здесь и далее прим. пер.*

слова, и первое, что произвело на нее впечатление, – это жутковатая тишина и спокойствие, царившие вокруг. Как федеральному агенту ей довелось посетить множество тюрем, и обычно она сразу погружалась в какофонию шума, криков, свиста, проклятий, оскорблений и угроз; пальцы заключенных сжимали прутья решеток, она видела злобные взгляды в темноте камер. Если ты не был животным, когда попадал в тюрьму, то, покидая ее, обязательно им становился. В противном случае ты умирал.

«Повелитель мух».

Со стальными дверями и унитазами.

Однако она чувствовала себя здесь как в библиотеке. Эта тюрьма произвела на нее сильное впечатление. Немалое достижение для заведения, где содержат мужчин, которые вместе уничтожили тысячи людей при помощи бомб, пистолетов, ножей, ядов или просто кулаков. А в случае шпионов – ценой предательства.

Ухвати за лапу тигра[2].

Пайн приехала из Сент-Джорджа, штат Юта, где жила и работала, через весь штат Юта и половину Колорадо. Навигатор сообщил, что у нее уйдет немногим более одиннадцати часов, чтобы преодолеть 650 миль. Она сумела сделать это менее чем за десять – ей помогла привычка водить автомобиль на бешеной скорости, а также мощный двигатель внедорожника и определитель радаров, позволявший обой-

[2] Детская считалка.

ти неминуемые скоростные ловушки.

Этли остановилась лишь один раз, чтобы воспользоваться туалетом и перекусить. А в остальное время мчалась к цели, утопив педаль газа в пол.

Она могла долететь до Денвера и дальше ехать на машине, но у нее было время, и Пайн хотела подумать о том, что будет делать, когда доберется до места. А долгая поездка по огромным пустым пространствам Америки давала ей такую возможность.

Этли выросла на Востоке и провела бóльшую часть своей профессиональной жизни на открытых пространствах американского Юго-Запада. Она надеялась, что ей никогда не придется оттуда уезжать, потому что любила его высокое небо и бескрайние просторы.

После нескольких лет в Бюро Пайн имела возможность выбирать задания. По единственной причине: она согласилась отправиться в такое место, в котором не хотел оказаться ни один другой агент. Большинство мечтали попасть в одно из шестидесяти шести отделений на местах. Некоторым нравился жаркий климат, и они стремились в Майами, Хьюстон или Феникс. Другие мечтали подняться по карьерной лестнице ФБР, поэтому выбирали Нью-Йорк или Вашингтон, округ Колумбия. Лос-Анджелес пользовался популярностью по множеству причин, как и Бостон. Однако Пайн все это не интересовало. Ее устраивала сравнительная уединенность местного подразделения, находившегося среди пусто-

шей. И до тех пор, пока она давала результат и была готова выполнять свою работу, ее оставляли в покое.

Часто Пайн оказывалась единственным федеральным агентом на сотни миль вокруг, и это ей нравилось. Кое-кто называл ее закрытой, некоторые обвиняли в желании держать все под контролем и считали слишком замкнутой, но это было не так. На самом деле Этли со всеми умела находить общий язык. Впрочем, невозможно быть хорошим агентом ФБР, не обладая искусством общения с людьми. Однако ее вполне устраивала уединенная жизнь.

Пайн заняла должность в местном отделении Бюро в Сент-Джордже, штат Юта. Группа состояла из двух человек, и Этли провела там два года. Когда у нее появилась возможность, она перевелась в офис на одного агента в крошечный городок под названием Шеттерд-Рок, в недавно созданное подразделение, находившееся к западу от Туба-Сити, настолько близко к Национальному парку Гранд-Кэньон, насколько возможно, чтобы не считаться частью парка. Там она наслаждалась обществом своей секретарши, Кэрол Блюм. Ей было около шестидесяти лет, и она проработала в Бюро несколько десятилетий. Блюм называла своим героем бывшего главу ФБР Эдгара Гувера, хотя тот умер задолго до того, как она поступила в ФБР.

Пайн не знала, верить этой женщине или нет.

Часы посещений во Флоренсе давно закончились, но Управление тюрем удовлетворило просьбу коллег Этли из

Бюро. Было ровно двенадцать часов дня – самое подходящее время; так считала Пайн, ведь разве чудовища не появляются только после полуночи?

Ее привели в комнату для посетителей и усадили на металлический стул возле стены из толстого поликарбонатного стекла. Телефон заменяла круглая металлическая труба, обеспечивавшая единственную возможность вербального общения. По другую сторону стекла на таком же стуле, прикрепленном к полу, будет сидеть заключенный. Сиденья были неудобными; вполне осознанное решение.

Если заключенный начнет возмущаться – пусть катится ко всем чертям.

Пайн ждала, положив скрещенные руки на плоскую ламинированную поверхность перед собой. Она прикрепила значок ФБР на лацкан, потому что хотела, чтобы он его увидел. И не спускала взгляда с двери, через которую его введут. Он знал, что она придет. Он согласился на ее визит, воспользовавшись одним из немногих прав, которыми здесь обладал.

Пайн слегка напряглась, когда услышала приближавшиеся шаги нескольких человек. Дверь с тихим гудением открылась, и первым, кого она увидела, был здоровенный охранник без шеи и с такими широкими плечами, что те едва прошли в дверной проем. Вслед за ним появился второй, потом третий; такие же крупные и внушительные.

«Интересно, – подумала Этли, – установлен ли минимальный вес в качестве необходимого условия для работы

здесь?» Вероятно, так и было. А также прививка от столбняка.

Она отбросила эти мысли, как только они появились, потому что увидела закованного в кандалы Дэниела Джеймса Тора, все его шесть футов и четыре дюйма[3]. За ним вошли еще трое охранников, и небольшое помещение по ту сторону стекла оказалось заполненным людьми. Пайн уже знала, что заключенных здесь переводят из одного места в другое лишь в сопровождении трех охранников – как минимум.

Очевидно, для Тора требовалось удвоить это число.

На его голове не осталось ни единого волоса. Он равнодушно смотрел прямо перед собой, пока охранники усаживали его на стул и пропускали стальную цепь через кольцо в полу. Пайн знала, что обычно во время посещений здесь так не поступают.

Однако подобная практика не касалась пятидесятисемилетнего Тора. Он был в белом комбинезоне и черных ботинках на каучуковой подошве, без шнурков. Глаза смотрели через очки в черной оправе, сделанной из мягкой резины, без единой металлической детали. Линзы из тонкого пластика будет очень непросто превратить в оружие.

В тюрьме необходимо учитывать самые незначительные детали, ведь у заключенных полно времени, чтобы придумать разные способы причинения вреда себе и другим.

Пайн знала, что тело Тора под комбинезоном полностью

[3] 193 см.

покрыто татуировками. По большей части их сделал он сам, но некоторые нанесли его жертвы, которым пришлось стать мастерами татуировок, прежде чем Тор отправил их в небытие. По слухам, каждая картинка рассказывала историю жертвы.

Тор весил около двухсот восьмидесяти фунтов[4], и, по прикидкам Пайн, лишь десять процентов его веса являлось жиром. Она обратила внимание на выступавшие на предплечьях и шее вены. Вероятно, от нечего делать здесь оставалось только качать мышцы и спать, решила она. А Тор родился с отличными физическими данными и в старших классах был спортсменом и настоящей звездой. Как жаль, что превосходное тело получило безумный, пусть и блестящий ум…

Охранники, удовлетворенные тем, что Тор надежно прикован, вышли, оставив их одних. Однако Этли знала, что они останутся за дверью, – она их слышала. Как и Тор, Пайн в этом не сомневалась.

Она представила, как он каким-то образом разбивает стекло. Сможет ли она устоять перед его натиском? Интригующий, пусть и гипотетический вопрос. Какая-то ее часть хотела, чтобы он попытался.

Его взгляд наконец упал и задержался на Пайн.

Этли смотрела через стекло или между прутьями камеры на огромное количество монстров, многих из которых сама арестовала. Однако Дэниел Джеймс Тор от них отличался.

[4] Примерно 127 кг.

Пожалуй, он был самым жестоким и успешным серийным убийцей своего времени, а может быть, и всех других поколений.

Заключенный положил скованные руки на ламинированную поверхность и наклонил толстую шею направо так, что лопнула петля на рубашке. Затем его взгляд скользнул по значку и снова остановился на Пайн.

Его губы на мгновение презрительно искривились, когда он увидел знак закона и порядка.

– Ну? – спросил Тор негромким безжизненным голосом. – Ты хотела встретиться.

Мгновение, которое она ждала целую вечность, наконец пришло.

Этли Пайн наклонилась вперед, и ее губы оказались в дюйме от толстого стекла.

– Где моя сестра?

Эни, мини, майни, мо.

Глава 2

Мертвый взгляд Тора не изменился после того, как прозвучал вопрос Пайн. Она слышала, как по другую сторону двери шептались и переминались с ноги на ногу охранники, которые изредка постукивали ладонями по рукоятям металлических дубинок. Просто для практики – на случай если их придется прямо сейчас пустить в ход и обрушить на голову заключенного.

Судя по выражению лица Тора, Этли знала, что и он их слышит. Очевидно, он не пропускал ничего из происходившего вокруг, хотя в какой-то момент допустил ошибку, если оказался здесь.

Пайн снова откинулась на спинку стула, сложила руки на груди и стала ждать ответа. Он никуда не мог уйти, а она не спешила, и в ее жизни не было ничего важнее вопроса, который она задала.

Тор окинул ее внимательным взглядом – должно быть, именно так он оценивал своих жертв. Следствие установило имена тридцати четырех. Но это были далеко не все. Предполагалось, что общее число превышает официальное в три раза. Этли пришла сюда ради неустановленной жертвы, единственной, которую следствие даже не рассматривало, чтобы добавить ее к списку преступлений, совершенных этим чудовищным извращенцем.

Тор сумел избежать смертного приговора лишь из-за того, что согласился сотрудничать с властями и сообщил о местонахождении останков трех жертв. Его признание принесло некоторое облегчение трем семьям. И Тору позволили жить дальше, пусть и в клетке, до тех пор, пока он не умрет собственной смертью. Пайн могла без труда представить, как Тор договаривается со следствием, – скорее всего, с самодовольной усмешкой на лице, потому что прекрасно понимает, что совершает выгодную сделку. Его жертвы мертвы. А он – нет. Этот человек признавал только смерть других людей.

Тора арестовали, осудили и вынесли ему приговор в середине девяностых. Он убил двух охранников и одного заключенного уже в тюрьме, в 1998 году. В штате, где это произошло, не было смертной казни, в противном случае его казнили бы. Однако Тора перевели в тюрьму особо строго режима Флоренс. Сейчас он отбывал почти сорок последовательных пожизненных заключений. И если он не окажется Мафусаилом, то умрет здесь.

Впрочем, все это ни в малейшей степени не смущало Тора.

– Имя? – спросил он, словно был клерком, проверяющим заказ.

– Мерси Пайн.

– Место и время?

Он над ней издевался, но Этли решила ему подыграть.

– Андерсонвилль, штат Джорджия, седьмое июня тысяча

девятьсот восемьдесят девятого года.

Тор повернул голову в другую сторону. Вытянул длинные пальцы, потрескивая суставами. Казалось, огромный мужчина состоит из множества болевых точек.

– Андерсонвилль, штат Джорджия, – задумчиво повторил он. – Город, где случилось много смертей. Ведь именно там находился лагерь для военнопленных во время Гражданской войны. А ты знала, что начальника лагеря, Генри Вирца, казнили за военные преступления? Казнили за то, что делал свою работу. – Тор улыбнулся. – Он был швейцарцем. Совершенно нейтральным. Его повесили. Вот такая странная справедливость.

Улыбка исчезла так же быстро, как появилась, словно погасла спичка.

– Мерси Пайн, – повторила Этли. – Шесть лет. Исчезла седьмого июня восемьдесят девятого года. Андерсонвилль, юго-западный округ Мейкон, штат Джорджия. Хотите, чтобы я описала дом? Я слышала, что вы обладаете фотографической памятью, когда речь заходит о ваших жертвах, но, быть может, вам требуется помощь… С тех пор прошло много времени.

– Какого цвета были ее волосы? – спросил Тор; его губы слегка приоткрылись, и Пайн увидела крупные прямые зубы.

В ответ Пайн показала ему свои.

– Такого же, как у меня. Мы были близнецами.

Казалось, ее слова вызвали искру интереса у Тора, кото-

рой раньше Пайн не замечала. Она ожидала подобной реакции. Она знала об этом человеке все, за исключением одного.

Он наклонился вперед, кандалы звякнули, и Пайн поняла, что задела его за живое.

Тор снова посмотрел на ее значок.

– Близнецы, ФБР, – нетерпеливо сказал он. – Продолжай.

– Известно, что вы совершали преступления в том регионе в восемьдесят девятом году. Атланта, Коламбус, Олбани, центр Мейкона. – Пайн вытащила тюбик оранжево-красной помады из кармана и нарисовала точки на стекле, каждая из которых обозначала упомянутые города. Потом соединила точки и получила знакомую фигуру. – Вы были математически одаренным ребенком. Вам нравились геометрические фигуры. – Она указала на рисунок. – Форма бриллианта. Именно благодаря этому вас в конце концов удалось поймать.

Вот ошибка, которую допустил Тор. Его подвела созданная им самим модель.

Он поджал губы. Пайн знала, что ни один серийный убийца не признается в том, что кто-то его перехитрил. Очевидно, перед ней сидел психопат, страдавший нарциссизмом. Люди часто считают его сравнительно безобидным отклонением, потому что это понятие вызывает образ самовлюбленного мужчины, жадно разглядывающего свое отражение в воде или зеркале. Однако Пайн знала, что нарциссизм, вероятно, одно из самых опасных свойств, которым может обла-

дать мужчина: такой человек не способен к сопереживанию. Из чего следует, что чужая жизнь не имеет для него никакой ценности, а убийство производит действие фентанила: мгновенная эйфория, вызванная доминированием и уничтожением другой личности.

Вот почему почти все серийные убийцы являются нарциссами.

– Но Андерсонвилль не являлся частью вашей схемы. Вы оказались там случайно? Решили отвлечься? Что заставило вас прийти в мой дом?

– Это ромб, а не бриллиант, – ответил Тор.

Пайн никак не отреагировала на его слова.

– Моя схема являлась ромбом, косоугольником, если вам так больше нравится, четырехугольником, фигурой с четырьмя сторонами равной длины и неравными диагоналями, – продолжал Тор, словно читал лекцию в классе. – Например, воздушный змей становится параллелограммом только в том случае, если он ромб. – Он бросил покровительственный взгляд на рисунок на стекле. – Бриллиант нельзя считать верным или точным математическим термином. Так что не повторяй свою ошибку снова. Это смущает. И к тому же исключительно непрофессионально. Ты вообще готовилась к нашей встрече? – Пренебрежительно взмахнул скованными руками и бросил полный отвращения взгляд на нарисованную на стекле фигуру, словно Пайн изобразила нечто мерзкое.

– Благодарю вас, вы выразились предельно ясно, – сказала Этли, которой было наплевать на параллелограммы в частности и на математику в целом. – Так почему вы изменили свою схему? Прежде этого не случалось.

– Ты предположила, что я изменил схему. И что находился в Андерсонвилле вечером седьмого июня тысяча девятьсот восемьдесят девятого года, – сказал Тор.

– Я не говорила, что это произошло вечером, – ответила Пайн.

Улыбка вновь промелькнула на его губах.

– Но разве бука не приходит только поздно вечером? – спросил он.

Пайн вспомнила, что совсем недавно думала о чудовищах, которые наносят удар ровно в полночь. Чтобы ловить таких убийц, нужно мыслить как они. И это всегда вызывало у нее глубокое внутреннее беспокойство.

– Шесть лет? – продолжал Тор, прежде чем она успела ответить. – Близнец? А где именно это произошло?

– В нашей спальне. Вы забрались в окно, заклеили нам рты лентой, чтобы мы не позвали на помощь. Вы держали нас и не давали подняться.

Она достала из кармана листок бумаги и поднесла его к стеклу, чтобы он увидел, что на нем написано.

Его взгляд переместился к листку, но лицо оставалось невозмутимым, и Пайн не смогла прочитать его выражение, даже несмотря на весь свой опыт.

– Детская считалка в четыре строки? – сказал он и зевнул. – Что дальше? Решила со мной поиграть?

– Вы ударяли нас по лбам, когда читали считалку, – продолжала Пайн, слегка подавшись вперед. – Каждое новое слово соответствовало другому лбу. Вы начали с меня, а закончили на Мерси. Затем вы ее забрали, а со мной сделали это.

Этли отвела волосы в сторону и показала шрам у левого виска.

– У меня нет уверенности в том, чем вы меня ударили, – сказала она. – Все произошло очень быстро. Может быть, просто кулаком. В моем черепе появилась трещина. – Потом добавила: – Вы были крупным мужчиной, а я – маленькой девочкой. – Сделала небольшую паузу. – Но я больше не маленькая девочка.

– Нет, совсем нет. Как насчет пяти футов и одиннадцати дюймов? – предположил Тор.

– Моя сестра также была высокой для шести лет, но худой. Огромный мужчина вроде вас мог легко унести ее на руках. *Куда* вы ее унесли?

– И снова предположение. Ты сама сказала, что прежде я никогда не менял свою схему. Как ты думаешь, почему я нарушил ее тогда?

Пайн еще ближе наклонилась к стеклу.

– Дело в том, что я вас помню. – Она окинула его взглядом. – Вас практически невозможно забыть.

Тор растянул губы, точно тетиву лука, перед тем как выпустить фатальную стрелу.

– Ты меня запомнила? И появилась только сейчас? Двадцать девять лет спустя?

– Я знала, что вы никуда отсюда не денетесь, – ответила Пайн.

– Слабый выпад и недостойный ответ. – Тор снова посмотрел на ее значок. – ФБР. Где твоя территория? Где-нибудь поблизости? – добавил он с некоторым нетерпением.

– Куда вы ее унесли? Как умерла моя сестра? Где ее останки? – резко спросила Пайн.

Все три вопроса она задала очень быстро, потому что не раз их повторяла, когда ехала сюда.

Однако Тор спокойно продолжал свои рассуждения:

– Очевидно, это не местное отделение. Ты не из тех, кто будет сидеть в главном офисе. Ты носишь одежду свободного покроя, пришла не в часы посещений, что не соответствует инструкциям ФБР. И у тебя нет напарника. Ваша братия любит путешествовать парами, если речь идет об официальных делах. К этому следует добавить личный интерес.

– Что вы имеете в виду? – спросила Пайн.

– Ты потеряла сестру-близнеца и стала одиночкой, как если бы лишилась своей половинки. Ты не можешь ни на кого опереться, не можешь никому доверять с тех пор, как разорвана ваша эмоциональная связь. Ты не замужем, – добавил он, взглянув на ее безымянный палец. – Таким образом, у

тебя нет никого, кто мог бы избавить тебя от потери длиной в жизнь, пока ты не умрешь в одиночестве, разочарованная и несчастная. – Тор замолчал, и на его лице появилось любопытство. – Однако произошло какое-то событие, которое привело тебя сюда почти через три десятилетия. Неужели тебе потребовалось так много времени, чтобы набраться мужества для встречи со мной? Агент ФБР… Это наводит на определенные мысли.

– У вас нет никаких причин не отвечать мне, – сказала Пайн. – С вас могут снять одно пожизненное заключение, но из Флоренса вам не выйти.

Его ответ стал для нее неожиданным, однако она могла бы его предвидеть.

– Ты выследила и арестовала не менее полудюжины таких людей, как я, – заявил Тор. – Наименее талантливый из них убил четверых, самый способный отправил в иной мир десятерых.

– Талантливый? – холодно сказала Пайн. – Я не стала бы это так называть.

– Однако без таланта здесь не обошлось, – возразил Тор. – Это совсем непростое дело, и не важно, как к нему относится общество. Тем, кого ты арестовала, конечно, было далеко до меня, но следовало же тебе с чего-то начать. Складывается впечатление, что ты специализируешься на подобных делах. Хочешь выйти на поединок с таким, как я. Замечательно ставить перед собой высокие цели, но так можно стать че-

ресчур честолюбивой или самоуверенной. Подлететь слишком близко к солнцу, когда перья твоих крыльев связывает лишь воск. Слишком часто все заканчивается смертью. Она может иметь божественный вид, но, полагаю, только не твоя. Однако я бы попытался…

Пайн отбросила этот безумный монолог, в конце которого прозвучала прямая угроза. Но если он думает о том, чтобы ее убить, значит, ей удалось завладеть его вниманием.

– Все они действуют на Западе, – сказала Пайн. – Здесь куча открытых пространств и нет полицейских в каждом квартале. Люди приезжают и уезжают, кто-то пытается спрятаться, другие ищут новых впечатлений, длинные участки изолированных автострад… Миллиард мест, где можно избавиться от останков. Это вдохновляет… таланты вроде вашего.

Тор развел руки в стороны, насколько позволяли цепи.

– Совсем неплохо, – заметил он.

– Было бы лучше, если б вы ответили на мои вопросы, – сказала Пайн.

– Мне также известно, что тебе не хватило всего одного фунта, чтобы попасть в олимпийскую сборную США по тяжелой атлетике, когда ты училась в колледже. – Когда Пайн ничего не ответила, Тор продолжал: – «Гугл» добрался даже до Флоренса, специальный агент Этли Пайн из Андерсонвилля, штат Джорджия. Я потребовал дополнительную информацию на тебя как условие нашей встречи. У тебя даже имеется собственная страница в «Википедии». Она не такая

длинная, как моя, но, следует признать, у тебя еще все впереди. Однако есть ли у тебя гарантия долгой карьеры?

– Один килограмм, а не фунт, – возразила Пайн. – Меня подвел рывок, у меня всегда были с ним проблемы. Моя коронка – толчок.

– Да, килограмм, – Тор усмехнулся. – Моя ошибка. Значит, на самом деле ты слабее, чем я думал. И, конечно, неудачница.

– У вас нет никаких причин не отвечать на мой вопрос, – повторила Пайн. – Никаких.

– Желаешь завершения, как все они? – скучным голосом спросил Тор.

Пайн кивнула, но только из-за того, что опасалась сказать лишнего. Вопреки утверждениям Тора, она хорошо подготовилась к встрече. Вот только невозможно быть полностью готовым к встрече с таким человеком, как он.

– А тебе известно, что мне на самом деле очень, очень нравится? – спросил Тор.

Пайн продолжала молча смотреть на него.

– Я в самом деле по-настоящему рад, что сумел определить всю твою жалкую жизнь.

Тор внезапно подался вперед. Его широкие плечи и массивная лысая голова, казалось, заполнили все стекло, словно он проходил мимо окна спальни маленькой девочки. На одно ужасное мгновение Пайн снова стало шесть лет, и демон ударял ее по лбу в ритме с каждым словом, вместе со смер-

тью, которую нес той, кого коснулся последней.

Мерси. Он коснулся Мерси, не Этли.

МЕРСИ.

Не ее.

Затем она сделала едва заметный выдох и невольно прикоснулась к значку на куртке.

Ее пробный камень. Неизменный магнит. Нет, ее розарий.

Однако ее движение не осталось незамеченным Тором. Он не стал триумфально улыбаться; в его взгляде не было даже гнева, лишь разочарование. А потом, через мгновение, взгляд утратил интерес, глаза стали пустыми, он расслабился и откинулся на спинку стула. Плечи опустились, и энергия ушла вместе с оживлением.

Пайн почувствовала, как все клетки ее тела начали закрываться. Она провалила дело. Тор ее испытывал, и она полностью провалила тест. Бука пришел в полночь и обнаружил, что она никуда не годится.

– Охрана! – рявкнул Тор. – Я готов. Мы закончили.

Он злобно ухмыльнулся, и Пайн прекрасно поняла причину.

Это был единственный случай, когда он мог им приказывать.

Они вошли, отстегнули цепь от кольца в полу и повели его к двери. Пайн встала.

– У вас нет причины не говорить мне, – снова сказала она.

Тор даже не соизволил поднять на нее глаза.

– Кроткие никогда не унаследуют землю, Этли Пайн из Андерсонвилля, близнец Мерси. Привыкай к этой мысли. Но если захочешь еще раз излить свои чувства, ты знаешь, где меня найти. И теперь, когда я с тобой познакомился… – Он неожиданно повернулся к ней, и его черты исказило яростное желание; вероятно, это было последнее, что видели его жертвы. – Я тебя никогда не забуду.

Металлический портал закрылся. Пайн прислушивалась к звукам шагов – охранники уводили Тора в его бетонную клетку семь на двенадцать.

Она еще мгновение смотрела на дверь, затем стерла помаду со стекла, и цвет крови перешел на ее ладонь. Потом проделала прежний путь, получила пистолет и покинула тюрьму особо строгого режима Флоренс, вдыхая свежий воздух на высоте ровно в одну милю над уровнем моря.

Она не станет плакать. Она не пролила ни единой слезинки после исчезновения Мерси. Однако ей хотелось почувствовать хоть *что-нибудь.* Но ничего не было. Она стала невесомой, ничтожной и пустой, словно оказалась на Луне. Он сумел высушить все, что в ней еще оставалось. Нет, он ее не высушил.

Высосал.

И самое ужасное – она так и не узнала, что произошло с ее сестрой.

Этли проехала на запад сотню миль до Салайды и нашла самый дешевый мотель; это путешествие она проделала на

свои деньги.

И перед тем как заснуть, вспомнила вопрос, который ей задал Тор.

И ты приехала только сейчас? Двадцать девять лет спустя?

На то была причина – во всяком случае, в сознании Пайн. Но нельзя исключать, что и тут она ошибалась.

Ночью ей не снился Тор. В ее снах не было сестры, исчезнувшей почти три десятилетия назад. Она увидела шестилетнюю Этли Пайн, которая первый раз в жизни шла в школу не сжимая в ладони руку Мерси. Одинокая маленькая девочка с хвостиками, потерявшая свою вторую половинку, как сказал Тор.

«Лучшую половинку», – подумала Пайн, потому что именно с ней происходили самые разные неприятности, а старшая сестра, родившаяся на десять минут раньше, всегда за нее заступалась и прикрывала. Неизменная верность и любовь.

За всю свою последующую жизнь Этли никогда не испытывала ничего подобного.

Может быть, Тор прав относительно ее будущего.

Может быть.

А потом другой его выпад, тот, что прошел сквозь ее защиту и угодил прямо в солнечное сплетение.

Ты определил мою жизнь?

Когда Пайн почувствовала, что у нее задрожали губы, она

встала, добрела до ванной комнаты и засунула голову под душ. И стояла так до тех пор, пока холод не стал таким невыносимым, что она едва не закричала от боли. Однако ни одной слезинки не смешалось с ледяной водой.

Этли встала на самом рассвете, приняла душ, оделась и поехала домой. На полпути остановилась, чтобы что-нибудь поесть. Когда снова села в свой внедорожник, она получила эсэмэску.

Пайн написала ответ, захлопнула дверцу, включила двигатель и вдавила педаль газа в пол.

Глава 3

Гранд-Кэньон является одним из семи природных чудес света и единственным, находящимся в Америке. Это второй по величине каньон после Цангпо в Тибете, который немного длиннее и значительно глубже. Гранд-Кэньон каждый год посещают пять миллионов человек, приезжающих со всего мира. Однако не более одного процента добираются до той точки, где сейчас находилась Этли Пайн: берег реки Колорадо на самом дне каньона.

«Призрачное ранчо» на дне Гранд-Кэньон – не только самое популярное место ночлега под крышей, оно является *единственным.* Добраться сюда можно тремя способами: по воде, на муле или на своих двоих.

Пайн доехала до аэропорта Национального парка Гранд-Кэньон, где села в дожидавшийся ее вертолет Национального парка, который доставил Этли на дно каньона. После посадки Пайн и ее спутник, рейнджер парковой службы Колсон Ламберт, не теряя времени пошли дальше пешком.

Пайн шагала быстро, пожирая пространство длинными ногами, внимательно глядя по сторонам и прислушиваясь к треску погремушек; одна из причин, по которой природа наделила ими гремучих змей, – чтобы люди оставляли их в покое.

«Где моя погремушка?» – подумала Этли.

– Когда его нашли? – спросила она.

– Сегодня утром, – ответил Ламберт.

Они обошли неровный участок скалы. Пайн увидела синюю парусину, натянутую над жертвой, и двух мужчин. Один был в джинсах; второй, такой же крепкий, как Ламберт, – в форме парковой службы: серая рубашка, светлая шляпа с плоскими полями и черной лентой с буквами СНП[5]. Пайн его уже встречала. Мужчину звали Гарри Райс.

Другой был высоким и худым, его лицо носило следы многих лет, проведенных под открытым небом в суровых условиях. На густых седеющих волосах остался след широкополой шляпы, которую он держал в руке.

Пайн показала ему значок и спросила:

– Как вас зовут?

– Марк Бреннан. Я один из тех, кто занимается мулами.

– Это вы обнаружили тело? – спросила Пайн.

Бреннан кивнул:

– Перед завтраком. Увидел круживших в воздухе канюков.

– Вы не могли бы уточнить время?

– М-м-м… семь тридцать.

Этли прошла вдоль парусинового навеса, присела на корточки и посмотрела на тело; остальные собрались вокруг нее.

Мул весил более половины тонны, прикинула она, а его рост составлял примерно шестнадцать ладоней. Кобыла,

[5] Служба национальных парков.

скрещенная с ослом, рожает мула. Они двигаются медленнее лошадей, но более устойчивы, дольше живут, а также необычайно сильны и выносливы.

Пайн натянула перчатки из латекса, которые достала из поясной сумки, затем подняла хлыст, лежавший рядом с несчастным животным. Ковбои называют его *мотиватором* и используют, чтобы убедить мулов не обращать внимания на траву вдоль тропы или отказаться от желания немного вздремнуть на ходу.

Она коснулась им застывшей передней ноги животного.

– Окоченение уже началось. Мул определенно находится здесь довольно давно, – сказала она ковбою. – Вы нашли его в семь тридцать. Он был таким же окоченевшим?

Бреннан покачал головой:

– Нет. Однако мне пришлось отогнать нескольких тварей, которые собрались попировать. Можно увидеть следы здесь и здесь, – добавил он, показывая на места, где были вырваны куски мяса.

Пайн посмотрела на часы. Шесть тридцать вечера. Прошло одиннадцать часов с того момента, как Бреннан обнаружил труп мула. Теперь ей требовалось установить временной промежуток с другой стороны.

Она слегка переместилась и посмотрела на брюхо животного.

– Его выпотрошили. Сначала нанесли удар сверху, а потом сделали разрез вдоль живота. – Посмотрела на Бреннана. –

Насколько я поняла, это один из ваших мулов?

Тот кивнул, присел на корточки и печально посмотрел на животное.

– Салли Белль. Надежная, как скала. Ужасно обидно.

Пайн посмотрела на засохшую кровь.

– Ее смерть не была легкой. Никто ничего не слышал? Мулы в состоянии поднять ужасный шум, а каньон представляет собой мощную акустическую систему.

– Отсюда до ранчо несколько миль, – заметил Райс.

– Но здесь находится лесничество, – сказала Этли.

– И все же оно довольно далеко, а дежурный рейнджер ничего не видел и не слышал, – ответил Райс.

– Ладно, но в кемпинге «Сияющий ангел», что возле «Призрачного ранчо», полно пеших туристов и лодочников. Ранчо не может принять всех, и многие отправляются в «Сияющего ангела». И хотя мне известно, что «это очень далеко», мул должен был дойти сюда из загона на ранчо.

– Там *было* много людей, – вмешался Ламберт. – Но никто из тех, с кем мы говорили, ничего не видел и не слышал.

– И еще один важный вопрос, – продолжала Пайн. – У кого хватит смелости наклониться над мулом и начать резать ему живот?

– Верно. – Бреннан кивнул. – Хотите услышать мое мнение? Если ты начнешь свежевать мула, его крик будет слышен в соседнем округе.

Пайн посмотрела на седло.

– Ладно, и кто же мог быть седоком? – поинтересовалась она.

– Бенджамин Прист, – ответил Райс. – Его нигде нет.

– Он приехал вчера, – продолжал Бреннан. – В составе группы из десяти человек.

– Это максимальное число? – спросила Пайн.

– Да. Мы каждый день приводим две группы, – ответил Бреннан. – Мы прибыли вместе с первой.

– Значит, он приехал сюда, и что потом? – спросила Пайн.

– Мы остановились на ночь на «Призрачном ранчо». И собирались отправиться дальше после завтрака. Через Черный мост и обратно до Южного Края. Всё как обычно.

– То есть пять с половиной часов вниз и примерно столько же обратно? – уточнила Пайн.

– Да, примерно, – подтвердил Бреннан.

Этли огляделась по сторонам. На дне каньона было около тридцати градусов, а на Южном Краю на двадцать градусов холоднее. Она уже чувствовала, как ручейки пота стекают по ее лицу, собираются под мышками и на спине.

– Когда вы заметили, что Прист исчез? – спросила Пайн.

– Сегодня утром, когда все собрались в холле на завтрак, – ответил Райс.

– А где остановился Прист? – спросила она. – В одном из номеров или в коттедже?

– В коттедже, – ответил Бреннан.

– Расскажите про вчерашний вечер, – попросила Этли.

– Все пообедали в столовой, – сказал Бреннан. – Кто-то стал играть в карты, другие подписывали открытки. Несколько туристов уселись на камнях, чтобы охладить ноги в ручье. Обычное дело. Потом все отправились спать, в том числе и Прист.

– Когда его видели в последний раз?

– Насколько нам удалось выяснить, вчера вечером, в девять часов, – ответил Райс.

– Однако никто не видел его в постели или как он выходил из коттеджа?

– Нет.

– Ну, тогда как сюда попала Салли Белль? – спросила она, глядя на Бреннана.

– Сначала я подумал, что она как-то сумела выбраться из загона, – сказал тот. – Потом заметил, что нет ее седла и упряжи. Значит, кто-то надел на нее седло и все остальное.

Пайн продолжала смотреть на Бреннана.

– Что вы подумали, когда обнаружили, что мул исчез? – спросила она.

– Ну, я подумал, что кто-то решил немного развлечься и покататься до завтрака. – Бреннан покачал головой. – Я не раз видел, как парни вытворяли здесь самые безумные вещи.

– Опишите Приста, – попросила Этли.

– Около пятидесяти. Рост пять футов восемь дюймов. Вес примерно сто восемьдесят фунтов.

– Белый? Черный?

– Белый. Темные волосы.

– В хорошей форме?

– Плотный, но без лишнего веса. Однако и не бегун на марафонские дистанции.

– Всадники на мулах не должны весить более двухсот фунтов? – спросила Пайн.

Бреннан кивнул:

– Верно.

– Вы хотя бы раз с ним разговаривали? – спросила Пайн.

– Немного, когда спускались.

– Он показался вам встревоженным?

– Несколько раз он показался мне бледным, – сказал Бреннан. – У мулов неровные спины, и они часто шагают по краю тропы. Так что они сами, а также всадники оказываются рядом с обрывом. Сначала это может действовать на нервы. Но Прист довольно быстро справился со страхом.

Пайн посмотрела на Ламберта.

– Что у вас на него есть?

Тот достал и открыл блокнот.

– Вот что я получил из Вашингтона. Работает на государственного подрядчика «Белтуэй». Консалтинговая компания «Козерог».

– Семья?

– Не женат. Детей нет. Есть брат, который живет в Мэриленде. Родители умерли.

– Вы поставили брата в известность? – спросила Пайн.

– Он внесен в договор в качестве контакта для связи в экстренных ситуациях. Мы сообщили ему, что его брат исчез.

– Мне нужна контактная информация брата, – сказала Этли.

– Я пришлю ее вам по электронной почте.

– Как повел себя брат?

– Встревожился, – ответил Райс. – Спросил, следует ли ему сюда вылететь. Я сказал, чтобы подождал. С большинством исчезнувших людей все оказывается в порядке.

– Но не со всеми, – заметила Пайн. – Где его вещи?

– Пропали, – ответил Ламберт. – Должно быть, он взял их с собой.

– Брат звонил Присту после того, как я с ним говорил, – сказал Райс. – Также писал ему по электронной почте. Потом связался со мной и сообщил, что не получил ответа. Никакой реакции.

– Какая-то активность в социальных сетях?

– Об этом я не подумал, – признался Райс. – Но могу проверить.

– Как он сюда добирался? На машине? На автобусе?

– Я слышал, что он приехал на поезде, – ответил Бреннан.

– Где остановился?

– Мы проверили «Эль Товар», «Сияющего ангела», «Тандерберд» и все другие возможные варианты, – ответил Райс. – Он не бронировал номер ни в одном из них.

– Но он должен был где-то остановиться, – сказала Пайн.

– Он мог выбрать один из палаточных лагерей либо на территории парка, либо где-то рядом, – заметил Ламберт.

– Ладно, он приехал на поезде. Но если он прибыл из округа Колумбия, то сначала должен был прилететь в Скай-Харбор. И мог остановиться где-то там, пока не отправился в Уильямс, штат Аризона. Ведь именно оттуда уходит поезд, не так ли?

Ламберт кивнул.

– Там есть отель у вокзала, – сказал он. – Возможно, Прист ночевал там.

– А вы искали его здесь? – спросила Пайн.

– Мы постарались осмотреть максимально большую территорию, – ответил Ламберт. – Пока никаких следов. И скоро станет темно.

Этли огляделась по сторонам. Издалека донесся отрывистый лай койота, за которым эхом последовал треск гремучей змеи. «Возможно, между хищниками установилось шаткое равновесие на то время, когда день уступает место сумеркам», – подумала она. Среди мощных стен каньона существовало множество уязвимых экосистем. Сюда вторглись люди. С природой всегда всё в порядке, пока не появляется человек.

Пайн повернула голову налево, где далеко от них, на границе Аризоны и Невады, находилось озеро Мид. Справа, и тоже довольно далеко, было озеро Пауэлл, в штате Юта. А между двумя водоемами расположился гигантский каньон,

глубокая расселина в земле Аризоны, которую можно увидеть не только из самолета с высоты в тридцать пять футов, но даже из космоса.

– Завтра нам нужно организовать спасательную команду и начать поиски по квадратам, – сказала Пайн. – Так далеко, насколько возможно. А что известно о тех, кто ехал верхом на мулах вместе с Пристом? И о туристах?

– Все уже уехали. Некоторые – до того, как исчез Прист, – ответил Ламберт.

– Тем не менее мне потребуются их имена и контактная информация, – сказала Этли. – И будем надеяться, что, если с Пристом действительно что-то *случилось*, мы не позволили преступнику уйти отсюда пешком, уехать на муле или уплыть.

Ламберт выглядел смущенным и сразу посмотрел на второго рейнджера.

– Кто-нибудь приглядывает за мулами по ночам? – спросила Пайн.

Бреннан покачал головой.

– Прошлой ночью я проверил их примерно в одиннадцать вечера. Все было в порядке. Здесь водятся койоты и пумы, но они не станут нападать на мулов, находящихся в загоне. Их там просто затопчут.

– Верно. И то же самое произошло бы с тем, кто попытался бы ее освежевать, – многозначительно сказала Пайн, глядя на мертвую Салли Белль. – Значит, в одиннадцать вечера

она была жива. Дежурный рейнджер ничего не слышал. Как его зовут?

– Сэм Кеттлер.

– Как давно он работает в Службе национальных парков? – спросила Пайн.

– Пять лет. Из них два – в каньоне. Он хороший парень. Бывший военный.

– Мне нужно с ним поговорить, – сказала Этли, мысленно раскладывая по полочкам полученную информацию.

Потом ее взгляд скользнул над мертвым животным. Что-то здесь было не так.

– Почему кровь натекла около загривка мула? Она должна быть под животом? – спросила Пайн и посмотрела на мужчин, которые ответили ей недоуменными взглядами.

– Мула передвигали, – сказала Пайн. – Помогите мне его перевернуть.

Каждый взялся за ногу, и они перевернули мертвое животное на другой бок.

И там, прямо на шкуре, увидели буквы: *дж.* и *к.*

– Проклятье, и что это значит? – спросил Ламберт.

«Проклятье, и что это *значит*?» – подумала Пайн.

Глава 4

– Я привел Сэма Кеттлера, – сказал Колсон Ламберт.

Пайн стояла перед крыльцом столовой «Призрачного ранчо», когда к ней подошел Ламберт с мужчиной в форме рейнджера.

– Он дежурил, когда Прист и мул исчезли.

Пайн бросила на Кеттлера быстрый оценивающий взгляд.

Рост почти шесть футов и два дюйма, мускулистые загорелые предплечья, светло-серые глаза. Когда он снял шляпу, чтобы вытереть со лба пот, Этли увидела коротко подстриженные белокурые волосы. Примерно ее ровесник. «Привлекательный мужик», – подумала Пайн, глядя, как ходят желваки на крепко сжатых челюстях Кеттлера.

– Колсон сказал, что вы ничего не слышали? – спросила она.

Кеттлер покачал головой.

– Вечер выдался довольно тихий. Когда все отправились спать, я обошел лагерь, занялся бумажной работой, проверил мусор, на случай если его не убрали надлежащим образом. В противном случае мелкие хищники устраивают в лагере настоящий хаос. Отогнал их подальше. В остальном же всё как обычно.

– Колсон ввел вас в курс дела?

Кеттлер перенес вес с одной ноги на другую.

– Исчез турист, кто-то зарезал мула. – Он состроил гримасу. – Отвратительная история.

– Вот главные вопросы, на которые я хочу получить ответ: зачем было уводить мула из загона, а потом его убивать? – спросила Пайн. – Сейчас мы не знаем, какова роль Приста в случившемся. Это мог сделать кто-то другой; быть может, Прист его случайно заметил, и убийца мула от него избавился.

– Такое возможно, – согласился Ламберт.

Этли покачала головой. Инстинкт подсказывал ей, что ее предположение неверно. Слишком большое количество совпадений. Слишком много фактов это подтверждало – и так же много опровергало.

Жизнь не похожа на фильмы или книги. Иногда простейший ответ оказывается правильным.

Она бросила быстрый взгляд на Кеттлера.

– Подумайте еще. Вы не заметили ничего необычного?

Тот покачал головой.

– Если б видел, сказал бы.

– Вы не слышали шагов уходящего мула?

– Я совершенно уверен, что услышал бы стук копыт, – заверил Кеттлер. – Как вы думаете, когда это могло произойти?

– Я не уверена, – ответила Пайн. – Но совершенно определенно после одиннадцати.

– Во время обходов я удаляюсь на значительное расстояние от загона. Если мула забрали в это время, я вполне мог

не услышать.

– Хорошо, если вспомните что-то еще, дайте мне знать.

– Обязательно. Удачи вам.

Кеттлер зашагал прочь, быстро и легко, и Этли отметила про себя то, как мышцы плеч натягивают его рубашку.

– Что теперь? – спросил Колсон, отвлекая ее внимание от уходившего Кеттлера.

– Если учесть, что завтра нам с самого утра предстоит начать обыскивать каньон, я собираюсь поужинать и отправиться спать.

Через несколько часов Пайн смотрела в потолок комнаты десять на десять в «Призрачном ранчо». Кто-то из местных служащих нашел для нее матрас, простыню и комковатую подушку. Сегодня это был ее дом. Она не испытывала никаких затруднений: ей не раз приходилось проводить ночь, глядя в потолок в местах, которые ей не принадлежали.

«Призрачное ранчо» находилось на территории, которая прежде носила название «Лагерь Рузвельта», в честь президента Теодора Рузвельта. Он останавливался здесь в 1913 году после того, как объявил Гранд-Кэньон национальным памятником. Пайн также узнала, что именно Рузвельт приказал племени хавасупаи покинуть эти земли, чтобы построить здесь парк, тем самым изгнав их из собственного дома. Непокорным хавасупаи потребовалось двадцать пять лет, чтобы уйти отсюда, через много лет после смерти Рузвельта.

Пайн их не винила.

«Призрачное ранчо» построила и дала ему имя Мэри Элизабет Джейн Колтер, знаменитый архитектор каньона, в 1922 году. Оно стояло в тени трехгранных тополей и сикомор, в окружении многочисленных тропинок, крошечный оазис в огромной пасти каньона. В маленькой столовой висел почтовый ящик, куда туристы бросали открытки. Караван мулов забирал их на следующий день. На открытках ставили печать: «Доставлено мулами со дна Гранд-Кэньон». Что гораздо круче, чем мир смартфонов и приборов, названных «Алекса»[6], которые теперь управляют жизнью, верно?

У Пайн была с собой смена одежды и другие необходимые вещи, возимые в багажнике вместе с сумкой, в которой лежало то, что требовалось для проведения экспертиз, и она погрузила сумки в вертолет перед тем, как отправиться на дно каньона. Этли не могла рассчитывать на специалистов ФБР, готовых в любой момент прибыть на место преступления, если требовался серьезный анализ произошедшего. Специальным агентам, работавшим в небольших отделениях, приходилось все делать самостоятельно.

Пайн являлась агентом ФБР, в чьи обязанности входило следить за порядком в Гранд-Кэньон, и сейчас она представляла собой кавалерию, состоявшую из одного человека. Ее вполне устраивало такое положение вещей.

---

[6] Amazon Echo, известный также как «Алекса» (по кодовому слову инициализации), – смарт-динамик разработки корпорации Amazon.com; центральный узел системы домашней автоматизации.

Пешие туристы и те, что путешествовали на мулах, еще оставались в своих постелях, либо в спальнях, либо в рубленых домах с косыми крышами. Пайн поужинала с ними в большой столовой с темными потолочными балками, за длинным столом со стульями с деревянными спинками. Никто не знал, кто она такая, и Этли не стала рассказывать о себе и о том, что привело ее в каньон. Она не любила светских разговоров, предпочитая слушать других – так можно многое узнать.

За ужином Пайн выбрала рагу и кукурузный хлеб и выпила три стакана воды. В Гранд-Кэньон требовалось поддерживать водный баланс. Перед тем как лечь спать, она еще раз поговорила с Бреннаном и Ламбертом. Лежа в кровати, взглянула на часы – полночь давно миновала, но термометр показывал, что снаружи двадцать семь градусов, и в комнате было душно. Пайн распахнула окно, чтобы проветрить ее, разделась до нижнего белья и положила оба пистолета так, чтобы без проблем до них дотянуться.

Она понятия не имела, где находится Бенджамин Прист. К этому моменту он вполне мог выбраться из каньона, но кто-то обязательно должен был его увидеть. Описание Приста раздали всем рейнджерам и поместили на сайте Службы национальных парков. И если этот тип по какой-то необъяснимой причине убил и написал две странные буквы на боку Салли Белль, он за это ответит.

Пайн составила отчет, куда внесла все, что ей удалось

узнать, и отправила его по электронной почте своему начальству вместе со списком туристов, который получила от парковой полиции. Сведения передадут в различные офисы агентства по всей стране, что позволит проследить за любым из них. Она также сообщила о случившемся в офис во Флагстаффе, и те попросили ее держать их в курсе событий.

Теперь до самого утра ей было нечего делать.

Пайн слушала шум ветра снаружи и журчание воды в реке Брайт-Эйнджел-Крик.

У туши мула поставили двух часовых, в противном случае несчастную Салли Белль обглодали бы ночные хищники. Пайн открыла глаза, и Гранд-Кэньон вместе с мертвым мулом исчезли из ее мыслей.

На их месте возник Дэниел Джеймс Тор.

Можно сказать, что Этли ждала почти всю свою жизнь возможности встретиться лицом к лицу с человеком, который был виновен в исчезновении ее сестры.

Почему она ждала двадцать девять лет?

Шесть месяцев тому Пайн лишь смутно помнила мужчину, который забрался в их спальню почти тридцать лет назад. Доктора называли это по-разному, но все сводилось к тому, что дело тут в амнезии, вызванной молодостью и травмирующими обстоятельствами исчезновения Мерси. Разум Пайн ради ее благополучия заблокировал те воспоминания. У ребенка – и, как выяснилось, у взрослой Этли.

Утром следующего дня мать нашла ее в крови, без созна-

ния, с заклеенным ртом, и сразу вызвала «Скорую помощь». Этли отвезли в больницу. Множество раз во время серии тяжелых операций врачи опасались за ее жизнь. Со временем рана на голове зажила; мозг не получил необратимых повреждений, и в результате она вернулась из больницы домой, а в семье Пайн остался только один ребенок.

Этли не сумела оказать существенную помощь полиции. А к тому времени, когда она вернулась домой, дело практически закрыли.

И Пайн продолжала жить дальше. Ее родители развелись – главным образом из-за того, что произошло той ночью. Им тогда было по двадцать пять лет, оба изрядно выпили и не услышали, как незнакомец влез в их дом; они спали, когда одна их дочь получила серьезные травмы, а другую похитили. Они винили друг друга.

Ко всему прочему главными подозреваемыми являлись именно родители. А один полицейский считал, что отец Пайн, находившийся под воздействием алкоголя и наркотиков, зашел в комнату дочерей, унес с собой Мерси, убил ее и каким-то образом избавился от тела.

И хотя их отец и мать прошли проверку на детекторе лжи, а Этли сказала, что ее отец не был тем мужчиной, который вошел в ее комнату той ночью, полиция ей не поверила. Почти все жители города жестко осуждали Пайнов, и им пришлось уехать.

После развода Этли осталась с матерью, и ее жизнь навсе-

гда изменилась после исчезновения Мерси.

По мере того как она становилась старше, ее существование все больше теряло смысл; у нее полностью отсутствовали амбиции, и она ничего не хотела. Складывалось впечатление, что ее главная задача состояла в том, чтобы ни в чем и никогда не добиться успеха. Этли рано начала пить и курить «травку», устраивала драки, ее не раз задерживала полиция, ей предъявляли обвинения в употреблении алкоголя. Она часто попадалась на кражах в магазинах. Ей было на все плевать. В том числе на себя.

Но как-то раз она отправилась на окружную ярмарку и ни с того ни с сего решила обратиться к предсказательнице будущего. Женщина в маленькой палатке была одета в разноцветную мантию, голову ее украшал тюрбан, а лицо закрывала вуаль. Пайн помнила, как усмехнулась, уверенная, что перед ней мошенница.

Женщина взяла ее за руку и посмотрела на ладонь, но ее взгляд почти сразу вернулся к лицу Этли. А на лице самой предсказательницы появилось недоумение.

– Что? – без особого интереса спросила Пайн.

– Я чувствую два пульса. Два сердца.

Этли напряглась. Она не говорила гадалке, что у нее была сестра-близнец. Она ей вообще ничего не говорила.

Женщина более внимательно посмотрела на линии на ладони Пайн и нахмурилась.

– Что? – снова спросила та, на этот раз с интересом.

– Два биения сердца, совершенно определенно. – Гадалка немного помолчала. – Но только одна душа.

Этли смотрела на женщину, а та не сводила с нее взгляда.

– Два сердца и одна душа? – переспросила Пайн, а когда женщина кивнула, удивленно сказала: – Как такое возможно?

– Я думаю, тебе известно, как такое возможно. Более того, ты знаешь, что это *правда*.

И с этого момента Этли неустанно добивалась любой поставленной перед собой цели. Как если бы жила две жизни, а не одну. Чтобы добиться того, чего не имела ни единого шанса получить Мерси.

Ее физика, природная сила и атлетизм сделали Этли настоящей звездой спорта в старших классах. Она играла в баскетбол, занималась бегом и была подающей в команде по софтболу, участвовавшей в чемпионате штата.

Однажды Пайн пошла с парнями из футбольной команды в спортивный зал, где выяснилось, что она может поднять более серьезный вес, чем многие из них. С тех пор вся ее страсть и яростные амбиции были сосредоточены на штанге. Словно ракета, Этли вышла на уровень национальной команды и стала один за другим выигрывать кубки.

Кое-кто считал ее самой сильной женщиной в Америке.

А потом она поступила в колледж, где попыталась попасть в олимпийскую команду – и потерпела неудачу.

Ей не хватило одного килограмма, всего 2,2 фунта.

Эта неудача – не из-за себя, а из-за Мерси – оказала на нее парализующее действие. Но ей оставалось только двигаться дальше.

Так появился мир ФБР и ее карьера; ничего другого Пайн для себя не представляла.

С самого начала она стремилась на Запад, потому что именно здесь, на огромных открытых пространствах, охотились на своих жертв самые опасные хищники на земле. Этли прочитала о них все, что только возможно, изучила каждого, умела так хорошо составлять психологические профили преступников, что ей предложили место в Отделе поведенческого анализа № 3 в Бюро. Этот отдел исследовал преступления против детей.

Пайн отказалась. Она не хотела составлять психологические профили чудовищ, хотя технически такой профессии в ФБР не существовало. Это был миф, увековеченный массовой культурой. Нет, Пайн хотела сама надевать наручники на монстров, зачитывать им права и наблюдать, как судебная система отправляет их в такие места, где они уже никогда и никому не смогут причинить вред.

Такое будущее Этли было предопределено в тот момент, когда ко лбу Мерси в последний раз прикоснулся палец и мужчина с жуткой завершенностью сказал: «Мо».

Именно так она жила, пока шесть месяцев назад не произошло одно событие.

Приятель Пайн, кое-что знавший о ее прошлом, предло-

жил ей попробовать пройти процедуру восстановления памяти при помощи гипноза.

Она слышала о таких сеансах, Бюро применяло их в ряде случаев, однако результаты получались разные. Использование данной практики вызывало бурные споры; многие ее поддерживали, но многие критиковали. Пайн знала, что иногда они приводили к появлению ложных воспоминаний и страдали невинные люди.

Однако она ничего не теряла, предпринимая такую попытку.

После многочисленных сеансов с гипнотерапевтом из глубин ее подсознания наконец появился Дэниел Джеймс Тор – точно злобный зверь, выбравшийся из адской дыры на дневной свет.

Проблема состояла в том, что до того, как подвергнуться гипнозу, Пайн многое узнала о Торе. Всякому, кто занимался серийными убийцами, было известно его имя. По сравнению с ним типы вроде Теда Банди казались неумелыми и некомпетентными. Пайн изучила его карьеру, пики активности, прошлое жертв.

Таким образом, возникал очевидный вопрос: возник ли Тор из ее подсознания, потому что действительно влез в окно их комнаты ночью 7 июня 1989 года? Или явился на свет из-за того, что она так хотела? Ведь он находился в их местах как раз в то время? И согласится ли он сказать, где похоронена Мерси, убил он ее или нет?

Отец Пайн уже давно умер. Он проглотил заряд картечи из дробовика после того, как в течение недели пил и принимал наркотики в дешевом мотеле в Луизиане, и закончил свою жизнь в день рождения дочерей. Пайн не считала его смерть совпадением. Возможно, отец пытался показать ей, что он чувствовал свою вину из-за случившегося с ней и Мерси. Но получилось так, что в каждый свой день рождения она вспоминала о том, что именно в этот день ее отец снес себе голову.

Ее мать еще была жива. Пайн знала, где она живет, но они отдалились друг от друга. Зрелость не помогла Этли сблизиться с ней, и дистанция между ними лишь увеличилась, превратившись в подобие Гранд-Кэньон. Быть может, даже больше – ведь Пайн удалось выяснить, что разум способен довести до конца все, что угодно, в особенности когда он играет с тобой в игры. Он может заставить видеть вещи, которых не было, или не видеть того, что смотрит прямо тебе в лицо.

Значит, это был Тор? Или ее гипотеза – полная чепуха?

Правда состояла в том, что она не знала…

Пайн снова закрыла глаза, но они почти сразу открылись. И не в том дело, что она не могла спать. Просто услышала шум снаружи.

Ей потребовалось двадцать секунд, чтобы полностью одеться, засунуть запасную «Беретту» в кобуру на щиколотке и сжать в правой руке «Глок 23».

А потом она поступила, как делала всегда.
Устремилась навстречу неизвестному.

Глава 5

На широких открытых просторах Северной Аризоны, куда почти не попадал другой свет, ярко горели звезды.

Однако на дне Гранд-Кэньон, откуда открывался великолепный вид на небо, звезды будто утратили часть своего сияния, ведь ему приходилось проделывать такой долгий путь до земли. Только теперь Пайн поняла, какие крутые здесь стены, которые, казалось, поглощали весь свет.

Она присела на корточки в темноте и повернулась на полные триста шестьдесят градусов.

И никого нигде не увидела. В темноте не мерцал огонек сигареты – курить здесь запрещалось из-за опасности пожара. Нигде не светился экран телефона. Когда можно рассчитывать только на одного мобильного оператора, прием получается выборочным или вовсе отсутствует. Беспроводного доступа к Интернету здесь не было. На ранчо имелся платный телефон, и, чтобы позвонить по нему, приходилось пользоваться кредитными карточками. Департамент технологии с этой задачей не справился. Любителям «Фейсбука», «Инстаграма» и «Твиттера» приходилось ждать возвращения во внешний мир, чтобы потакать своим привычкам.

Ее взгляд уходил все дальше и дальше, она осматривала все больше темных участков земли.

Вот, снова.

Кто-то крался, стараясь не шуметь, а не просто вышел прогуляться ночью. Пайн встречалась и с тем, и с другим – и инстинктивно чувствовала разницу.

Пригибаясь к земле, с «Глоком» в руке, Этли осторожно двинулась вперед.

В другой руке она сжимала мощный фонарик. Его луч выхватывал скорпионов, и ядовитые существа застывали в потоке белого света.

Пайн услышала крик мула. В лагере имелось два загона – один коммерческий для «Призрачного ранчо»; в другом, находившемся дальше, держали мулов парковой службы. Но второй был на другом берегу реки, рядом с водой. Этли знала, что крик донесся из ближайшего загона.

Может быть, кто-то собрался вывести наружу и прикончить еще одного мула или добавить другие буквы на шкуру? Может быть, явился пропавший Бенджамин Прист, охваченный безумной ненавистью к крупным животным?

Пайн старалась двигаться максимально быстро и бесшумно, продолжая светить фонариком на землю, – здесь водилось шесть видов гремучих змей, и все выползали по ночам на охоту. Этли не опасалась наступить на змею – они ощущают вибрацию от шагов и наверняка успеют отползти в сторону.

До загона осталось около ста футов. Шаги, которые ее сюда привели, стихли.

Через мгновение послышался новый крик и фырканье.

И тут слева от себя Пайн уловила движение и увидела вышедшего из темноты мужчину.

Сэм Кеттлер приложил палец к губам и указал в сторону загона для мулов. Этли кивнула.

Через мгновение Кеттлер оказался рядом с ней.

– Там кто-то есть, – сказала ему Пайн.

– Знаю. Вероятно, я следил за вами обоими.

– Вы видели, кто это?

– Нет.

– Ну тогда постараемся узнать. Вы вооружены?

Кеттлер похлопал по кобуре.

– Надеюсь, оружие не потребуется, – сказал он. – Я не для того пошел в парковую службу, чтобы стрелять в людей. Мне хватило этого в армии.

Дальше они двинулись вместе, изо всех сил стараясь не шуметь.

Пайн понравилось, как Кеттлер двигался; его силуэт был практически незаметен, а каждый следующий шаг тщательно выверен; казалось, будто он скользит, а не идет по неровной земле.

Этли уже видела загон.

Она вставила фонарик в специальную бороздку поверх «Глока», продолжая всматриваться в загон.

Кеттлер вытащил пистолет и снял его с предохранителя.

Шум доносился с дальней стороны.

Кеттлер показал на себя и свернул влево. Пайн кивнула и

двинулась направо.

Через несколько мгновений она перешла на бег, свернула за угол и остановилась, направив луч фонарика и пистолет на стоявшего перед ней человека.

Кеттлер уже занял позицию сбоку, направив оружие на ту же цель.

Человек закричал и отскочил назад.

– ФБР! Поднимите руки, чтобы я могла их видеть, или я буду стрелять, – приказала Пайн.

В следующее мгновение она слегка расслабилась, когда поняла, на кого смотрит.

– Вот дерьмо, – воскликнула девочка-подросток, одетая в шорты, длинные носки, шлепанцы и футболку с короткими рукавами. Она расплакалась. – Пожалуйста, не трогайте меня… Господи, пожалуйста, не стреляйте…

Этли опустила пистолет на сорок пять градусов, глядя на длинный предмет, который девочка держала в правой руке. Потом сделала еще один шаг вперед и направила пистолет в землю.

Это был не нож. Девочка держала в руке морковку.

Кеттлер также подошел ближе и опустил пистолет.

– Проклятье, какого дьявола ты здесь делаешь? – резко спросила Пайн.

Девочка показала морковку.

– Я пришла покормить Жасмин. Это мул, на котором я приехала.

– Тебе известно, что вчера утром одного из мулов нашли мертвым?

Она кивнула.

– Наверное, именно поэтому я сюда пришла. Мне хотелось проверить, всё ли с ними в порядке.

Этли убрала пистолет в кобуру.

– Как тебя зовут?

– Шелби Фостер.

– Ладно, Шелби… Ты здесь с родителями?

– С отцом и братом.

– Откуда ты?

– Из Висконсина. Там нет ничего подобного. Здесь так красиво…

– Да, верно, – Пайн кивнула. – Хорошо, Шелби, покорми Жасмин морковкой, а потом мы проводим тебя обратно.

Кеттлер также убрал пистолет, а потом посмотрел на тонкие шлепанцы девочки.

– Здесь полно гремучих змей и скорпионов, мисс. У вас совсем неподходящая обувь.

– В домике у меня есть сапоги. Мне просто не хотелось снова надевать их. У меня распухли ноги от езды верхом.

Кеттлер доброжелательно улыбнулся.

– Да, такое случается. Но в следующий раз думайте перед тем, как выходить из дома, ладно?

Позднее, когда они уже подходили к одному из домиков, Шелби спросила у Пайн:

– Значит, вы агент ФБР?

– Да, – ответила та.

– Я думала, агентами обычно бывают мужчины.

– Так и есть. Но я женщина.

– Но это же круто, – восхитилась Шелби.

– Вы правы, – согласился Кеттлер, что заставило Пайн посмотреть на него.

– Вам удалось узнать, кто убил мула? – спросила Шелби.

– Пока нет, но мы обязательно это выясним.

– Но кто мог совершить такую ужасную вещь?

– К несчастью, поблизости есть ужасные люди, Шелби. Так что будь максимально осторожна. Не смотри на экран своего телефона двадцать четыре часа в сутки. И не носи постоянно наушники. Это сразу делает тебя легкой мишенью. Будь начеку. Хорошо? – Когда девочка с тоской посмотрела на нее, Пайн улыбнулась и добавила: – Девочки должны присматривать друг за другом, ведь так?

Шелби улыбнулась в ответ и кивнула. Этли проводила ее взглядом, когда она входила в домик.

– Ну, пожалуй, мне лучше вернуться, – заметил Кеттлер.

– Спасибо за помощь, мистер Кеттлер.

– Моего отца зовут мистер Кеттлер. А я Сэм.

– Этли.

Кеттлер огляделся по сторонам.

– Вы знаете, я перебрался сюда, чтобы обрести мир и покой. Никак не ожидал, что здесь может случиться нечто по-

добное… Все сильно напряжены.

– Ну, у вас и прежде пропадали люди.

– Да, но никогда не убивали мулов. Почему-то это встревожило меня больше, чем пропажа человека. – Он кивнул ей. – Дайте мне знать, если вам потребуется какая-либо помощь.

Пайн достала визитную карточку и протянула ее Кеттлеру.

– Номера сотовых телефонов на обороте, – сказала она. – Если вы что-нибудь вспомните или просто захотите поговорить, позвоните мне.

Он приподнял шляпу.

– Может быть, как-нибудь мы выпьем пива. Колсон сказал, что вы живете в Шеттерд-Рок.

– Я живу в Тусаяне, это недалеко.

– Вы правы. – Кеттлер убрал визитку в карман рубашки. – Ну, тогда до встречи.

Он улыбнулся и пошел прочь. Пайн смотрела ему вслед, размышляя о том, что ей удалось узнать.

Если девочка-подросток сумела выбраться из домика и практически незаметно попасть к загону, значит, Бенджамин Прист мог проделать то же самое. Мул мертв. Возможно, такая же участь постигла и Приста.

Несмотря на огромные размеры каньона, едва ли тело здесь сможет долго оставаться незамеченным. В любом случае летающие или наземные хищники обратят на него свое внимание. Но Этли хотелось отыскать живого Приста. У нее

были к нему вопросы, и Пайн надеялась, что он на них ответит. Ей не нравилось, когда кто-то убивал животных – из-за того, что потом он иногда начинал убивать людей.

Она посмотрела на часы. Примерно через шесть часов начнутся серьезные поиски мистера Приста. Но у нее появилось чувство, что вне зависимости от того, найдут они его живым или мертвым, вопросов станет только больше. И очень может быть, что все это окажется лишь верхушкой пресловутого айсберга.

Глава 6

Пайн вытерла пот со лба, чтобы не заливал глаза. Она сидела на валуне и смотрела в сторону реки Колорадо. Поиски шли уже восемь часов, начавшись сразу после завтрака.

Семь рейнджеров и она. Им предстояло освоить огромное пространство, которое вместе с находившимся наверху парком превышало размеры штата Род-Айленд. Даже вертолет не давал никаких гарантий на успех. И нигде не было видно круживших в небе канюков, которые могли бы им помочь.

Итак, они ничего не нашли. Никаких следов Бенджамина Приста. И по-прежнему не знали, где и как он сумел выбраться из каньона.

Этли еще раз внимательно огляделась по сторонам. Если бы Прист попытался взобраться вверх по склону вчера утром, ему потребовались бы часы. По опыту она знала, что подъем занимает в два раза больше времени, чем спуск.

Пайн недоуменно покачала головой. Но если Прист хотел покинуть каньон, зачем он взял мула из загона? От Бреннана она знала, что Прист не собирался ехать на муле в темноте и в одиночку. Он с трудом спустился в каньон при дневном свете, когда рядом находился опытный ковбой.

Труп Салли Белль забрал вертолет при помощи лебедки и упряжи, приспособленной для перевозки крупных животных. Эксперт сделает вскрытие. У Пайн появилось предчув-

ствие… вскрытие покажет, права она или нет. Этли воспользовалась набором своих инструментов, насколько это было разумно при данных обстоятельствах, но ее исследования ни к чему не привели, и ответов она не получила.

К ней подошел Ламберт.

– Когда я отправил вам сообщение о том, что здесь произошло, вы ответили, что уехали из города по личному делу. У вас всё в порядке? – спросил он.

Пайн посмотрела на него.

– Я просто отдыхала и расслаблялась. Бюро иногда предоставляет мне такую возможность, – ответила она.

– Значит, отдыхали?.. Я не стал бы к вам обращаться, если б знал.

– Расслабьтесь, Колсон, у меня был отпуск, а теперь он закончился. – Этли глянула на землю перед собой.

– Вы уже получили какую-то информацию из Флагстаффа?

– Пока нет. И я не знаю, каков приоритет нашего запроса.

Посмотрев по сторонам, Ламберт произнес:

– Не думаю, что мы найдем его здесь.

– Может быть, он мертв. Так что нам нужны поисковые собаки.

– Будет сделано.

– Сегодня ночью девочка-подросток выбралась из своего домика, прихватив морковку для Жасмин, мула, на котором она приехала, – сказала Пайн.

– Она дошла до загона мулов? И что произошло дальше? – спросил Ламберт.

– Мы проводили ее до домика, и я попросила ее быть в дальнейшем более осторожной.

– Мы?

– Там был Кеттлер. Он также ее услышал.

– Меня это не удивляет. Сэм всегда настороже.

– Кеттлер сказал, что служил в армии. И вы об этом упоминали…

Ламберт кивнул.

– Спецназ. Один его сослуживец рассказал мне, что у Кеттлера множество медалей, в том числе «Пурпурное сердце»[7]. Но он никогда об этом не говорит.

– Солдаты, которые делают больше всех, не склонны распространяться о своих подвигах, – заметила Этли.

– Согласен. И он прекрасный спортсмен. Участвовал в двадцатичетырехчасовом супермарафоне. А также в забеге от одного края Гранд-Кэньон до другого и обратно. Ему совсем немного не хватило до рекорда.

Пайн знала, что рекорд принадлежит человеку, который сумел преодолеть всю дистанцию менее чем за шесть часов. Путь в сорок две мили при перепаде высот двадцать две ты-

---

[7] «Пурпурное сердце» – военная медаль США, вручаемая всем американским военнослужащим, погибшим или получившим ранения в результате действий противника.

сячи футов[8].

– Это впечатляет. – Она немного помолчала. – Вы сказали ему, что я живу в Шеттерд-Рок.

– Ну, он расспрашивал про вас после того, как вы встретились, – признался Ламберт.

– Он сказал, *почему* я его заинтересовала? – осведомилась Пайн.

Рейнджер удивленно посмотрел на нее.

– Может быть, вы понравились ему, Этли.

– Моя работа такова, что я не думаю о подобных вещах.

– Ну, у всех есть личная жизнь. Но, с другой стороны, у меня дома три подростка. Вот почему сейчас я не знаю, насколько личной является *моя* жизнь.

– Наверное, ее попросту нет…

Ламберт усмехнулся и снова огляделся по сторонам.

– Ну, и что мы будем делать теперь?

– Пока совсем не стемнело, я намерена улететь отсюда на вашем вертолете, – заявила Пайн.

– И что предпримете? – спросил Ламберт.

– Проведу дьявольски серьезное исследование.

– Надеюсь, я вызвал вас не только ради мертвого мула. Мне известно, что у вас есть и другие дела.

– Никаких проблем. Я – агент ФБР *и* женщина в одном

[8] Соотв. 67,6 км и 6706 м. Последняя цифра представляется сильно завышенной, поскольку максимальная глубина Гранд-Кэньон достигает 1,6 км, а его средняя высота над уровнем моря – 2100 м (Южный откос) и – 2400 м (Северный откос).

лице. Поэтому способна заниматься сразу несколькими вещами одновременно, наравне с лучшими.

Глава 7

Пайн бросила большую сумку на пол и оглядела свою спартанскую двухкомнатную квартиру на окраине Шеттерд-Рок, городке таком маленьком, что его предместья и крошечный центр напоминали целующихся кузенов. Дом был трехэтажным, и квартиры в нем арендовали самые разные люди. В городе имелось лишь еще одно «высотное» здание в три этажа – отель, где останавливались туристы, направлявшиеся в Гранд-Кэньон.

С тех пор как Пайн покинула дом, она никогда не жила в квартире, где было больше двух комнат. А родилась и провела детство на ранчо на три комнаты в сельской части штата Джорджия.

Она слышала, что писательница Маргарет Митчелл неизменно жила в двухкомнатных квартирах по очень простой причине: она не хотела, чтобы у нее кто-то останавливался на ночь. Пайн не знала, правда это или анекдот, но вполне разделяла ее чувства. Она также была женщиной с одной спальней и совершенно не переносила гостей.

В ее квартире не было домашних животных и цветов в горшках, а в жизни – никаких хобби, к которым она могла обратиться после окончания расследования. Пайн слышала, что работа не должна становиться жизнью. Но не знала другой жизни, кроме работы. И ее это вполне устраивало.

После исчезновения сестры Этли посещала психотерапевта. Шестилетний ребенок, перенесший тяжелую утрату, не получил от общения с врачом никакой помощи. Она лишь испытывала смущение и страх.

Четыре года назад Пайн предприняла еще одну попытку. С аналогичным результатом. Она сидела на сеансах групповой терапии и слушала, как участники расхаживали по комнате и обсуждали друг с другом самые интимные подробности своей жизни. Когда пришел ее черед, Пайн, в которую стреляли, ранили ножом и атаковали множество раз во время исполнения профессиональных обязанностей, начала отчаянно потеть и в итоге выбрала путь труса – отказалась что-либо говорить и больше никогда не посещала подобных собраний.

По какой-то причине она испытывала отвращение к имуществу и хотела пройти по жизни, обладая минимально необходимым количеством вещей. В список входили и люди. Некоторые психиатры могли бы интерпретировать это как страх перед новыми тяжелыми потерями. Возможно, они были бы недалеки от истины. Но Пайн никогда не давала себе шанс глубоко заглядывать в свою психику, чтобы доказать истинность или ошибочность данной теории.

Она приняла душ, чтобы смыть грязь и пот Гранд-Кэньон, потом надела чистую одежду и села за сучковатый кухонный стол из древесины сосны, который стоял в квартире, когда она ее сняла, и теперь служил домашним офисом. Проверила

электронную почту, телефонные и текстовые сообщения.

Среди них было письмо от ее прямого начальника, находившегося во Флагстаффе. Он хотел знать, каков прогресс в ее расследовании. Когда Пайн изучала электронную почту, она отметила около дюжины человек, которым также отправили письма. Двое из списка рассылок занимали более высокое положение в субординационной цепочке, чем ее непосредственный начальник; остальных она не знала.

Ее привлекли к расследованию по единственной причине: Гранд-Кэньон являлся федеральной собственностью и имел особое значение в глазах правительства США. И Шеттерд-Рок существовал именно благодаря ему. Этли немедленно взялась за дело, как только получила назначение сюда, и затратила немало усилий, чтобы добиться хороших отношений со Службой национальных парков, местной полицией и индейскими племенами на близлежащих территориях. Это оказалось непростой задачей, но Пайн старалась изо всех сил, и ее искренность и напряженная работа принесли ей симпатии всех местных служб.

Этли сделала себе чашку кофе, уселась перед лэптопом и начала поиск консалтинговой компании «Козерог». Она получила множество ссылок, но ни одна из них не имела ничего общего с оборонной промышленностью.

Пайн отправила сообщение Колсону Ламберту, чтобы тот уточнил название фирмы, и спросила, от кого он получил эту информацию.

Ламберт ответил через несколько минут, что название фирмы и сферу ее деятельности сообщил ему брат Приста.

Этли взглянула на часы. На Восточном побережье было больше одиннадцати вечера, и она подумала, что, вероятно, уже слишком поздно звонить брату Приста.

Затем снова пролистала сообщения, полученные по электронной почте, – и у нее неожиданно возникла новая идея. Пайн вошла в персональную базу данных ФБР и посмотрела все незнакомые имена из списка рассылки.

И удивленно заморгала, когда на мониторе появилась фотография и краткие биографические сведения.

Пайн смотрела на одно из имен в списке рассылки. Его там не должно было быть.

Питер Стьюбен. Исполнительный помощник директора Службы национальной безопасности ФБР, из чего следовало, что он здесь главный. СНБ, одно из шести отделений ФБР, создана в 2005 году после событий 11 сентября в связи с резко возросшей опасностью терроризма. В некотором смысле чуть ли не самое важное отделение, которое занималось предотвращением угроз против Соединенных Штатов.

Имя одного из самых высокопоставленных функционеров ФБР стояло в списке рассылки, касающейся мертвого мула. И, быть может, исчезнувшего туриста, связанного с несуществующей компанией, хотя Пайн вполне могла допустить, что военные подрядчики стараются не оставлять следов на публичных сайтах.

Прежде Пайн работала в ФБР на Восточном побережье – и заметила, что персонал Бюро, находящийся по другую сторону Миссисипи, консервативен, его сотрудники строго придерживаются правил и процедур и не понимают, почему нельзя эти самые правила и процедуры, принятые в Нью-Йорке или округе Колумбия, установить на Юго-Западе как гигантский шаблон правоохранительных протоколов. Пайн прекрасно понимала, почему эти правила здесь не годятся – главным образом из-за огромного количества особенностей, которые требуют и заслуживают внимания и уважения. Тут практически у всех имелось самое разное оружие, а также здоровый скептицизм относительно федерального правительства. Здесь ты мог ехать целый день и не встретить ни одного человеческого существа на территории, напоминающей поверхность необитаемой планеты.

Однако Пайн давно перестала сражаться с парнями с Восточного побережья, старалась не выделяться, делала свою работу и никогда не просила помощи, пока в ней не возникало острой необходимости.

Но если СНБ заинтересовалась ее делами, она не знала, насколько успешной будет такая стратегия. Ей не составило никакого труда представить вертолет, набитый надменными агентами ФБР с акцентом Нью-Джерси, которые появятся в разгар ее расследования и вежливо, но твердо предложат ей отправляться к дьяволу.

Раззадоренная этими мыслями, Пайн снова посмотрела

на часы – и решила рискнуть.

Она набрала номер, который ей прислал Ламберт, и дождалась первого длинного гудка. После второго услышала встревоженный голос:

– Да?

– Мистер Прист?

– Да?

– Эдвард Прист?

– Да, с кем я говорю?

– Я специальный агент Этли Пайн, ФБР, штат Аризона.

– О господи… Вы звоните из-за Бена? Он мертв. О дерьмо. О господи!

Пайн услышала, как мужчина разрыдался.

– Нет, мистер Прист, – твердо сказала она. – Нет, я звоню вам по другой причине. Я расследую исчезновение вашего брата, но пока нам не удалось его найти. Насколько мы знаем, он еще жив.

Она услышала, как дыхание в трубке постепенно успокаивается.

– Вы до смерти меня напугали, – наконец рявкнул он. – Почему вы позвонили так поздно?

– Я приношу вам свои извинения, но мы не можем терять времени. Вы сказали одному из моих коллег, что ваш брат работает в консалтинговой компании «Козерог».

– Верно. Так и есть.

– Эта фирма относится к «Белтуэй»?

– Да.

– У вас есть их адрес и телефон для связи?

Прист явно колебался.

– Телефон для связи? – уточнил он.

– Или адрес.

– Я… у меня нет такой информации. Я лишь помню, как брат говорил мне, что работает там.

– Когда? – спросила Пайн.

Теперь в его голосе появилось подозрение.

– А какое это имеет значение? Он исчез в Гранд-Кэньон, а не на кольцевой дороге в округе Колумбия.

– Дело в том, что я попыталась найти эту компанию, но в округе Колумбия ее нет.

Молчание.

– Я… я думаю, он сказал мне это около шести месяцев назад, – сказал Прист после долгой паузы.

– Значит, вы никогда не бывали в его офисе?

– Нет.

– Он что-то говорил вам о своей работе?

– Он… он часто повторял шутку, ну, вы знаете… обычные приколы, когда речь заходит об округе Колумбия.

– Вы хотите сказать, что-то вроде: «Я тебе расскажу, но тогда мне придется тебя убить»?

– Совершенно верно.

– Ладно.

– Агент Пайн, что происходит?

– Сейчас мне сложно делать выводы. Вы не могли бы рассказать о прошлом вашего брата? Образование, детство, семья… ну, вы понимаете.

– Я все уже рассказывал вашему коллеге.

– Если вы повторите мне еще раз, это может помочь.

Он тяжело вздохнул.

– Мы росли в основном на Восточном побережье, но нам пришлось много переезжать. Наш отец служил в военно-морском флоте. Ушел в отставку в статусе «ноль-семь».

– Контр-адмирал.

– Да, вы правы. Вы из семьи военных моряков?

– Нет, но у меня были друзья… Что еще?

– Бен был… я хотел сказать, *есть* мой младший брат. У нас еще две старших сестры. Бен живет в Старом городе Александрии, штат Вирджиния. Одна сестра во Флориде, другая в Сиракузах.

– Насколько я поняла, ваш брат не женат.

– Нет, он так и не отважился. Работа – вся его жизнь.

– Образование?

– Джорджтаун. Студент и выпускник.

– Политология?

– Да. Но откуда вы знаете?

– Удачная догадка. Вы можете дать мне его домашний адрес? – спросила Пайн.

– Послушайте, я хочу сотрудничать с вами, но сейчас мне пришло в голову, что я ничего про вас не знаю – даже то,

действительно ли вы агент ФБР.

– С вами уже связывался Колсон Ламберт из Парковой службы США. Я могу сообщить вам номер моего значка и телефонный номер в Бюро; там подтвердят, что я работаю в ФБР. А завтра, если захотите, можете позвонить мне по этому номеру.

Прист не стал отвечать сразу.

– Нет, я думаю, всё в порядке, – заговорил он после небольшой паузы. – Зачем вам звонить мне, если вы не работаете в ФБР, не так ли?

«Я могу назвать сразу несколько причин», – подумала Пайн. Однако озвучивать их Присту не стала.

Он дал ей домашний адрес брата.

– Значит, Бен с вами не связывался? – спросила Пайн.

– Нет. Послушайте, я спросил у того парня, Ламберта, следует ли мне к вам вылететь.

– Я считаю, что будет лучше, если вы останетесь дома. Когда появятся новости, я немедленно с вами свяжусь. И вы можете позвонить мне с любыми вопросами или тревогами. Или если у вас возникнут мысли, которые могут оказаться полезными.

– Вы думаете, исчезновение Бена как-то связано с его работой?

– Я не стану утверждать, что это не так. Во всяком случае, на данный момент.

– Вы думаете, он мертв?

– Я ничего не думаю. Мы слишком мало знаем. Но нам следует уточнить очевидные моменты. У вашего брата были враги?

– Мне о них ничего не известно.

– Хорошо, – сказала Пайн. – А вы говорили с сестрами?

– Нет. А почему я должен был с ними говорить?

– Ну, на случай, если он входил в контакт с кем-то из них.

– Да, вы правы. Я не подумал… Но я полагаю, что он сначала позвонил бы мне, а не сестрам. Мы живем рядом.

– И все же на всякий случай вам лучше не говорить им, что он пропал. Просто спросите, не связывался ли он с ними.

– Ладно, я им позвоню. И сообщу вам о результатах наших разговоров.

– Благодарю, мистер Прист. Я рада, что вы согласились помочь.

– Как вы думаете, вам удастся найти Бена?

– Я буду стараться изо всех сил. И еще одно. У вас есть недавние фотографии вашего брата, которые вы могли бы мне прислать?

– Да, есть. Со дня рождения моей жены в прошлом месяце. На них я, моя жена и Бен. Я пришлю вам снимки по электронной почте.

– Отлично. – Этли продиктовала свой адрес и повесила трубку.

Прошла минута. Она получила письмо, открыла его, посмотрела на фотографию и увидела высокого стройного

мужчину ростом шесть футов и три дюйма. Очевидно, Эдвард Прист. В центре стояла его жена. С другой стороны – невысокий коренастый мужчина в очках. Бен Прист.

Тут ей в голову пришло еще несколько вопросов, и Пайн решила перезвонить Эдварду.

– Я получила фотографию, благодарю вас. У меня появилось еще несколько простых вопросов. На фотографии ваш брат в очках. А он носит контактные линзы?

Ответ Эдварда Приста сильно удивил Пайн, и ее мысли устремились совсем в другом направлении.

– Нет, агент Пайн, вы неправильно поняли. Это *я* ношу очки, а не Бен. Мой брат заметно выше меня, и он стоит слева.

Глава 8

– Доброе утро, специальный агент Пайн.

Этли едва успела отпереть дверь офиса ФБР в Шеттерд-Рок. Мощная дверь с надежным замком, защищенным от взлома, интерком и видеокамера. Это могло показаться избыточным в таком месте, но для усиленного протокола безопасности всегда имелись веские причины. В конце семидесятых два агента ФБР в Эль-Сентро, штат Калифорния, были убиты из дробовика в своем незащищенном офисе. Убийцей оказался социальный работник, находившийся под следствием за растрату фондов. С тех пор Бюро существенно улучшило охрану всех своих подразделений, начиная от крупных и заканчивая самыми маленькими.

Кэрол Блюм приветствовала Пайн из-за своего письменного стола в приемной офиса, состоявшего из двух комнат. Кроме того, в здании находились юридическая фирма, кабинет дантиста, строительная и страховая компании.

И еще одно федеральное правоохранительное учреждение.

Пайн закрыла за собой дверь.

– Знаете, Кэрол, мы уже довольно давно работаем вместе. Вы можете называть меня Этли.

– Я люблю, чтобы все делалось профессионально. Насколько мне известно, именно таким хотел видеть Бюро ми-

стер Гувер.

– Тем не менее мое предложение остается в силе. И *мистер* Гувер работал очень давно.

Пайн пришла на работу в джинсах с широким кожаным ремнем и большой медной пряжкой квадратной формы, пыльных сапогах, белой рубашке и ветровке. Блюм выглядела исключительно официально: темно-синий пиджак, белая плиссированная юбка, туфли на низком каблуке и нейлоновые чулки; густые золотисто-каштановые волосы собраны в аккуратный пучок. Она почти не пользовалась косметикой, и Пайн подумала, что макияж ей не помешал бы. Кэрол Блюм была замечательной женщиной, которая старательно поддерживала форму, а огромные изумрудные глаза отлично сочетались с рыжеватыми волосами, острым подбородком и высокими скулами, что придавало ей экзотический вид, каким бы глупым и вышедшим из моды этот термин ни казался сейчас. Однако к ней отлично подходило и другое слово: профессионализм.

– Я положила папки с текущими делами на ваш письменный стол. Днем вам будут звонить из Флагстаффа, чтобы вы ввели руководство в курс последних новостей. Напоминание в вашем календаре.

– Благодарю вас, – сказала Пайн.

– Знаете, мне нравится, что вы никогда не пишете лишних бумаг и не устраиваете показухи.

Этли внимательно посмотрела на Блюм.

– Я работала в других офисах, – продолжала секретарша, – где, перед тем как появлялось начальство, начиналась бурная деятельность и возникали бумаги с новыми серийными номерами.

– Я понимаю, о чем вы говорите, Кэрол.

– Но вы никогда так не делаете.

– Не вижу смысла. Я работаю, чтобы доводить расследования до конца, а не устраивать фокусы с документами.

– Как прошел ваш отпуск?

– Всё в порядке.

– И чем вы занимались?

– Путешествовала.

– В какое-то необычное место?

– Нет, не особенно.

Огромные глаза секретарши стали еще больше.

– Хотите об этом поговорить?

– На самом деле нет, – сказала Пайн.

Глаза затуманились.

– Выпьете кофе? Я только что купила для офиса новую кофеварку.

– Должно быть, вам пришлось заполнить целую тонну бумаг…

– Так и было бы, но я купила ее на собственные деньги.

– Вы храбрая женщина. Я бы охотно выпила кофе, спасибо.

– Черный?

– Как всегда.

Пайн вошла в свой кабинет и закрыла за собой дверь.

Ей казалось странным и немного лицемерным то, что Блюм хотела, чтобы их отношения оставались сугубо профессиональными, однако неизменно интересовалась всеми аспектами личной жизни своего босса. Впрочем, нельзя исключать, что она просто старалась вести себя дружелюбно. Несмотря на то что они работали вместе уже год, Этли не слишком хорошо знала свою секретаршу.

Вероятно, обо мне она думает то же самое. Быть может, это к лучшему.

Пайн повесила ветровку в маленький шкаф, села за потрепанный стандартный письменный стол из серой латуни, из тех, что ФБР покупало огромными партиями, и включила компьютер.

Бюро все еще отставало в том, что касалось технологий, и компьютеру Пайн было уже восемь лет. Когда ей требовалось решить какую-то серьезную задачу, она обращалась к собственному лэптопу или телефону. Иногда ее даже удивляло, что для входа в Интернет не приходится использовать модем.

Постучав в дверь, с чашкой горячего кофе вошла Блюм.

– Вы завтракали? – спросила она.

– Нет.

– Хотите есть? Я могу сходить в булочную. Мне совсем не трудно.

– Со мной всё в порядке, благодарю.

– Завтрак – самая важная трапеза, – не унималась секретарша. – У меня шестеро детей, и я знаю это совершенно точно.

Пайн оторвалась от файла, который только что открыла.

– Я буду иметь это в виду.

– Что-нибудь еще?

Этли понимала, что Блюм просто хочет чем-нибудь заняться, но проблема состояла в том, что она могла все сделать сама. Рано или поздно Бюро поймет это, и Блюм может потерять работу. Впрочем, колеса бюрократической машины вращаются медленно; сначала она выйдет на пенсию.

– Нет, я… – Пайн замолчала, и Блюм продолжала вопросительно смотреть на нее. – Да, есть кое-что. Вы можете выяснить, имеют ли буквы *дж.* и *к.* какой-то специальный смысл? Не просто как буквы алфавита.

– В связи с чем? – спросила Блюм.

– Они были вырезаны на шкуре мертвого мула, которого нашли на дне Гранд-Кэньон. Я понимаю, что информации слишком мало, и не особенно рассчитываю, что вы сумеете что-то выяснить.

Однако на лице секретарши появилось задумчивое выражение.

– Ну, кое-что пришло мне в голову… но сначала я должна провести небольшое расследование.

Она вышла. Пайн проводила ее удивленным взглядом.

В течение следующего часа она просматривала остальные дела, чтобы подготовиться к ежемесячной беседе с начальством. Этли потратила немало сил на то, чтобы изучить местные законы. Кроме того, множество раз побывала в индейских племенах, оказывавших заметное влияние на происходившие в регионе события. С ними невозможно установить добрые отношения за несколько недель. Но за проведенное здесь время Пайн поймала грабителя банков, покончила с опиатной торговой цепочкой, отыскала серийного насильника, нападавшего на индейских женщин, и это помогло ей заручиться доверием местных жителей, без которого она не могла хорошо делать свою работу.

Пайн закрыла файлы и допила кофе, оказавшийся крепким и слишком резким. Потом посмотрела на противоположную стену, где остался отпечаток кулака.

Тут она была ни при чем – один из подозреваемых, потеряв терпение, решил напасть на агента ФБР.

Второй след на стене находился ниже и был заметно больше. Он остался от головы подозреваемого, которого Пайн отшвырнула от себя, после чего их конфликт пришел к быстрому разрешению.

Она надевала на почти потерявшего сознание подозреваемого наручники, когда Блюм, услышавшая шум, спокойно открыла дверь и спросила, не требуется ли вызвать полицию, чтобы та увезла отсюда этого дебила.

Именно она предложила Пайн оставить следы на стене.

– Некоторым людям требуется визуальная стимуляция, – сказала тогда Блюм. – Иногда картина стоит тысячи слов.

Это была блестящая идея, Пайн оценила ее, и следы на стене не стали убирать. Подозреваемый подал на Этли жалобу, заявив, что та напала на него без всякой причины. С тех пор Пайн установила в кабинете скрытую камеру, которая также записывала звук. Кнопка включения съемки находилась у нее под столом на уровне колена. Камера была нужна не для физической защиты – речь шла о психологическом спокойствии. Она находилась здесь на тот случай, если другой «дебил» солжет относительно того, кто кого атаковал.

Зазвонил ее сотовый телефон; она посмотрела на номер и нахмурилась. И сделала еще один глоток кофе.

Звонили из Флагстаффа. Слишком рано. Плохой знак.

– Пайн, – сказала она.

– Пожалуйста, подождите, с вами будет говорить Роджер Эйвери.

Роджер Эйвери?

Он не являлся непосредственным начальником Пайн, и она не ожидала звонка от него. К тому же Эйвери находился на два уровня выше ее босса. Он проработал в ФБР шесть лет, менее половины ее срока, но теперь агенты занимали командные посты через три или четыре года. Пайн никогда не заполняла нужных бумаг, чтобы получить подобную должность; более того, изо всех сил боролась за то, чтобы остаться на полевой работе, а не торчать на постоянной основе в офи-

се. У нее имелось вполне определенное мнение о должности контролера ФБР: они весь день сидят за письменным столом, дают указания агентам, как вести дела, и при любой возможности играют роль «квотербека в понедельник утром»[9].

Пайн легко переносила контакты с непосредственным начальством, но ей никогда не нравилось разговаривать с Эйвери. Она скорее предпочла бы перенести колоноскопию без пропофола[10].

Через мгновение она услышала в трубке его голос.

– Пайн?

– Да, сэр, – ответила Этли.

– Вы удивлены моим звонком?

– Ну, я ожидала звонка, чтобы отчитаться по своим расследованиям, но не от вас, сэр.

– Я люблю держать руку на пульсе, так что на этой неделе сам разговариваю с агентами.

Руку на пульсе. Этот человек провалит любой тест на полиграфе.

– У меня в календаре помечено, что звонок состоится

---

[9] Американская идиома, обозначающая человека, любящего проводить анализ чужих ошибок задним числом; намек на болельщиков, ругающих своих квотербеков на следующий после воскресного матча день (квотербек – разыгрывающий игрок, ключевая позиция в нападении любой команды по американскому футболу).

[10] Колоноскопия – медицинский эндоскопический диагностический метод, во время которого врач осматривает и оценивает состояние внутренней поверхности толстой кишки; пропофол – короткодействующее снотворное средство, предназначенное для внутривенного введения.

днем, – сказала Пайн.

– Я решил позвонить вам раньше. Знаю, что вы не любите сидеть за письменным столом. Но если вы заняты…

Как и любой другой контролер, он вовсе не имел это в виду. Если б Этли сказала ему, чтобы проваливал куда подальше, поскольку ей нужно работать, она могла бы сразу попрощаться со своей карьерой.

– Нет, всё в порядке. – Пайн потянулась, чтобы открыть нужные файлы, но его следующие слова заставили ее остановиться.

– Я не сомневаюсь, что вы прекрасно справляетесь с текущими проблемами, – заявил Эйвери. – У меня никогда не возникало необходимости предъявлять вам какие-то претензии в *этом* отношении.

Смысл его слов не вызывал сомнений. У него *имелись* претензии к ней за то, что иногда она слишком рьяно делала свою работу. Однако Пайн никогда не считала, что оскорбленные чувства или сломанная рука являются достаточным поводом, чтобы не узнать правду. «Дебил», которого она швырнула на стену, не только написал на нее жалобу, он также подал в суд. Позднее выяснилось, что этот тип уже несколько раз нападал на полицейских и обычных граждан, так что Пайн никак не пострадала и дело в суде закрыли.

– Хорошо, – сказала Этли. – Вас интересует что-то еще? Дело в том, что я собиралась уходить.

– Давайте поговорим о Гранд-Кэньон.

Пайн подалась вперед на дешевом стуле, отвратительном предмете мебели, купленном на мелкой распродаже, у которого даже не было удобной спинки. С тем же успехом можно сидеть на желатине во время землетрясения. Она уже собиралась приобрести новый стул на средства агентства, а потом принять удар за то, что не заполнила необходимые для такого случая документы. А если кто-то из администрации Бюро пожелает явиться в Шеттерд-Рок, чтобы сделать ей выговор за то, что она обзавелась удобным стулом, пусть приезжают.

– Каньон? – спросила она.

– Мертвый мул.

– Верно.

– И как продвигается расследование? – спросил Эйвери.

– Я работаю над ним. Прошло еще слишком мало времени.

– Это так. Но меня интересуют некоторые детали…

– Я отправила вам предварительный отчет, – сказала Пайн.

– Я его читал. Сейчас меня интересует, что вам удалось выяснить после этого.

– Я не знаю, кто убил мула, почему и как и где сейчас злоумышленник, – сказала Пайн. – А в остальном все хорошо.

Эйвери проигнорировал ее сарказм, что удивляло.

– Бенджамин Прист?

До сих пор Этли никому не говорила, что человек, называвший себя Бенджамин Прист, на самом деле им не был.

– Вчера вечером я говорила с его братом, – сказала она.

– И каковы результаты разговора? – терпеливо спросил Эйвери.

Похоже, он знает ответ и хочет получить подтверждение. Или нет.

– Его брат ничего не знает о консалтинговой компании «Козерог». Ни адреса, ни телефонов. Бенджамин Прист никогда не рассказывал ему о своей работе. И на данный момент я не нашла свидетельств существования этой компании. – И пока Эйвери никак не успел отреагировать на ее слова, Пайн решила перехватить инициативу: – А вам удалось что-нибудь выяснить, сэр?

– Но не *я* провожу расследование, Пайн. Оно ваше.

– Да, сэр.

– Что-то еще?

Этли решила сбросить атомную бомбу.

– Складывается впечатление, что нашим расследованием заинтересовалась Служба национальной безопасности. Вам об этом что-нибудь известно?

Несколько секунд Эйвери ничего не отвечал, но Пайн показалось, что прошло гораздо больше времени. Она слышала лишь дыхание контролера. Как ей показалось, оно немного участилось.

Неужели я только что пустила собственную карьеру под откос?

– Продолжайте расследование, Пайн, – наконец сказал

Эйвери. – И если вам потребуется помощь, сделайте запрос.

– Есть, сэр.

– И… Этли?

Теперь «Этли»? Все страньше и страньше…

– Слушаю?

– Позаботьтесь о том, чтобы у вас были глаза на затылке.

И он повесил трубку.

Пайн получила такой же совет ровно один раз за все время своей работы в ФБР.

Когда она проводила расследование и выяснилось, что Бюро следило за *ней*.

Через мгновение Блюм открыла дверь. Должно быть, слышала телефонный звонок и отголоски ее разговора.

– Всё в порядке, агент Пайн?

Этли посмотрела на нее.

– Все хорошо, миссис Блюм.

Глава 9

Чу-чу-поезд. Или Хутервилльский экспресс. Выбирайте наименьшее из зол.

Пайн стояла перед железнодорожным вокзалом в Уильямсе, штат Аризона. Именно отсюда каждый день отправлялся поезд в Гранд-Кэньон, а потом возвращался обратно. Путешествие к южному краю каньона составляло шестьдесят пять миль в каждую сторону и занимало неспешные два часа и пятнадцать минут. За меньшее время она могла бы долететь от Феникса до Сиэтла.

Пайн только что поговорила с людьми из персонала поезда и показала фотографию настоящего Бенджамина Приста. Никто не вспомнил, чтобы он ехал в поезде. Затем она дала описание фальшивого Приста, но ей сказали, что совсем немногие джентльмены под него подходят.

На имя Бенджамина Приста был выписан билет туда и обратно, и кто-то воспользовался им, чтобы добраться до южного края каньона. Однако обратный билет до Уильямса так никто и не предъявил. Его покупали за наличные – и никаких следов кредитной карты. «Очень интересно, – подумала Пайн, – билет достаточно дорогой… Возможно, кто-то хотел скрыть свою личность? Наверное, так и было».

Затем она отправилась в железнодорожный отель – камин с каменной облицовкой, ковер, в котором тонули ноги, поли-

рованные деревянные балконы и колонны; все вместе производило впечатление гостеприимства высшего класса. Жизнедеятельность отеля зависела от пассажиров поезда. Вот почему персонал старался произвести хорошее впечатление на гостей и убедить их здесь остановиться, прежде чем двигаться дальше.

Пайн подошла к стойке регистрации, показала молодой женщине-портье фотографию настоящего Приста и рассказала ей, когда тот мог у них останавливаться. Потом дала описание мошенника. Женщина покачала головой.

– Я не узнаю́ ни того ни другого, – сказала она.

– А вы тогда дежурили?

– Да, обычно я работаю в дневную смену.

– Кто-нибудь еще находился у стойки регистрации? – спросила Пайн.

– Нет, только я.

– Хорошо, а вы не регистрировали гостя по имени Бенджамин Прист в тот день, о котором я спросила?

Дежурная нажала на несколько клавиш, посмотрела на монитор и покачала головой.

– Нет, у нас не было гостей с таким именем. Значит, он здесь не останавливался.

Пайн знала, что это вовсе не обязательно так. Он мог использовать вымышленное имя, фальшивое удостоверение личности или изменить внешность. Она поблагодарила дежурную и вышла из отеля, размышляя о том, что путеше-

ствие сюда оказалось совершенно бесполезным. Затем села в свой внедорожник и включила двигатель.

В этот момент ей позвонила Кэрол Блюм.

– Я отправила вам статью с новостями из «Аризона газетт».

– О чем она?

– Об исследовании, которое якобы имело место в Гранд-Кэньон.

– А когда оно *якобы* имело место? – уточнила Пайн.

– В тысяча девятьсот девятом году.

– И какое оно имеет отношение к *моему* расследованию через сто с лишним лет?

– Просто прочитайте, – предложила Блюм. – Кроме того, я послала вам более позднюю статью, в которой препарируется сообщение девятьсот девятого года. Вместе они помогут вам оценить их.

– Хорошо, – сказала Пайн. – Но вы можете хоть намекнуть?

– Буквы *дж.* и *к.* уже появлялись в Гранд-Кэньон.

– Что? – удивилась Этли.

– Прочитайте статью, потом поговорим.

Пайн посидела несколько минут, подставив лицо под кондиционер. Термометр снаружи показывал почти 32 градуса. И несмотря на сухой воздух, было невероятно жарко.

Ее телефон звякнул, и она открыла электронную почту. Очевидно, Блюм увеличила текст, чтобы его было удобно чи-

тать, и Пайн потребовалось всего несколько минут, чтобы пробежать статью глазами.

В 1909 году два исследователя по имени Джордан и Кинкейд, которые работали в Смитсоновском институте, предположительно, наткнулись на пещеру, расположенную довольно высоко, на одном из утесов Гранд-Кэньон.

Джордан и Кинкейд? *Дж.* и *К.*

Пайн стала читать дальше.

Они вошли в пещеру и нашли свидетельства существования древней цивилизации, которая могла быть, как говорилось в статье, используя давно отброшенный презрительный термин, «азиатской» или даже египетской. Предположительно, ученые обнаружили в подземной цитадели, состоявшей из множества помещений, всё – от погребальных урн с мумиями до статуй, напоминавших Будду.

Во второй статье, написанной всего несколько лет назад, сообщалось множество дополнительных подробностей. Пайн потребовалось десять минут, чтобы прочитать ее. Автор статьи был настроен так же скептически, как и она, относительно мнимой экспедиции. В документах Смитсоновского центра не нашлось упоминаний об исследователях по имени Джордан и Кинкейд, которые, как утверждалось в первой статье, имели первоклассную камеру, но не сделали ни одной фотографии открытия столетия. Автор попытался угадать, где могла находиться пещера, и предполагал, что, скорее всего, между реками Найнти-Фор-Майл и Тринити.

Пайн знала, что там есть места с египетскими названиями: Башня Сета, Храм Изиды и Храм Озириса. Согласно более поздней статье, в те времена, когда они появились, Египет стал местом, куда отправлялось множество крупных экспедиций, о которых часто сообщали в новостях. В Каньоне Призраков встречались азиатские имена, такие, как Пирамида Хеопса, Монастырь Будды и Храм Шивы. А кроме того, не остались без внимания древние боги из египетских, греческих, индуистских, китайских и скандинавских мифов.

В заключение автор статьи написал, что в каньоне есть множество пещер, многие из которых обнаружены в разные годы туристами и исследователями. Судя по всему, автор считал, что в пещере, найденной Джорданом и Кинкейдом, на самом деле обитали анасази, первые люди, поселившиеся в долине. Именно они создали стиль жизни пуэбло и вырубили пещеры в горах, как и многие другие древние культуры.

Навахо являлись потомками анасази, имя которых на языке навахо означает «древние». Более того, в Кэньон-де-Шей есть так называемая Пещера Мумий, где жили анасази. Она находится на высоте в триста футов над дном Гранд-Кэньон и состоит из двух смежных пещер, насчитывающих более пятидесяти помещений и круглых церемониальных сооружений, чей возраст превышает тысячу лет.

Затем Пайн прочитала последний абзац более поздней статьи. Очевидно, предположил автор, Джордан и Кинкейд высекли буквы *дж.* и *к.* на скале над входом в пещеру. Поче-

му автор сделал такой вывод, Этли не знала, больше в статье ничего сказано не было.

Она позвонила Блюм.

– Как вам удалось так быстро это отыскать?

– Я выросла в Аризоне и знала о статье в «Газетт» девятьсот девятого года, которая является частью местного фольклора. Когда я была подростком, мы с отцом, историком-любителем, отправились путешествовать по дну каньона. Он рассказал мне о легенде и отвел в места с египетскими названиями. Я подумала, что это обычная газетная мистификация, хотя мой отец считал, что тут все не так просто. Но египтяне в Аризоне? Я вас умоляю. Однако буквы *дж.* и *к*… Джордан и Кинкейд. Вот что я вспомнила, когда вы утром попросили меня провести небольшое расследование. Возможно, это не имеет ни малейшего отношения к вашему делу, но больше ничего, даже отдаленно связанного с буквами *дж.* и *к.*, мне найти не удалось.

– Ну что ж, хорошая работа, благодарю, – сказала Пайн. – Значит, вы спускались на дно каньона?

– О, много раз, когда была моложе. И, кстати, я ездила туда на муле, много лет назад.

– Хорошо, что вы рассказали мне.

– Вы еще вернетесь в офис?

– Может быть. – Пайн посмотрела на часы. – Я знаю, что вы уходите через час.

– Я останусь и поработаю, – сказала Блюм. – Сегодня у

меня нет других дел.

– В таком случае я попрошу выписать вам сверхурочные.

– Вам не следует беспокоиться, агент Пайн. Приятно чувствовать себя полезной.

– Спасибо. Может быть, мы еще встретимся сегодня.

Этли поехала дальше, размышляя о том, какое отношение экспедиция, которая, возможно, проходила более века назад, может иметь к мертвому мулу и национальной безопасности.

Может быть, я не хочу этого знать.

Глава 10

По дороге домой Пайн миновала место, давшее имя городу – Шеттерд-Рок. Оно находилось всего в миле от него – и на самом деле было единственной причиной его появления.

Местная легенда, позднее подтвержденная реальными фактами, обеспеченными НАСА и учеными федерального уровня, гласила, что несчетное количество лет назад здесь упал метеор размером со старый «Фольксваген-жук». Когда-то тут находилось небольшое место обнажения породы, но метеор превратил ее в пыль, оставив после себя кратер и крупные осколки скалы, которые были разбросаны по обширному плоскому участку земли.

И в местный лексикон вошло название Шеттерд-Рок[11]. Город под таким именем появился около сотни лет назад, когда предприимчивый молодой человек по имени Элмер Ланкастер покинул родную Пенсильванию, чтобы сколотить себе состояние на Западе. Вероятно, он наткнулся на осколки скал, услышал местную легенду и решил пустить здесь корни. Начал продавать метеориты с прилавка, который поставил на обочине единственной дороги, и даже нанял в помощь индейцев. В национальных одеждах те танцевали на дороге, держа в руках «камни с небес», как они их прозвали, и за

[11] Английское слово *shattered* переводится как «расколотый», «разбитый вдребезги».

скромную сумму в пять долларов любой желающий мог стать владельцем одного из них.

Бизнес оказался прибыльным – ведь вокруг валялись миллионы осколков, и даже если б они закончились, можно было сделать еще.

Ланкастер использовал часть заработанных денег, чтобы проложить новые улицы и построить дома и необходимую для жизни инфраструктуру. Кроме того, он заявил, что его новый город, названный Шеттерд-Рок, является самой важной геологической локацией на планете Земля и открыт для новых поселенцев и бизнеса. Люди из других мест, склонные к доверчивости и не имевшие в достатке здравого смысла, купились на его обещания – так родился Шеттерд-Рок.

Тем не менее в течение следующего столетия здесь не наблюдалось значительного роста населения, но все же в городке проживало около тысячи душ, которые зарабатывали себе на жизнь разными способами, как бывает в маленьких городках. В том числе и одна женщина с пистолетом и значком ФБР.

Метеоритами до сих пор торговали в большом фанерном здании, но инфляция сделала свое дело, и теперь один осколок стоил пятьдесят долларов. Индейцы поумнели и перестали работать на других. Предприимчивый хопи и его партнер навахо купили метеоритную франшизу, и их дела со всех точек зрения шли превосходно. Кроме того, они торговали кофе, холодным пивом и необыкновенно вкусными ячмен-

ными лепешками. Пайн также купила камень, но лишь для того, чтобы поддержать местную экономику.

Она свернула на парковку своего многоквартирного дома: оштукатуренные стены, крыша с красной черепицей, всё в юго-западном стиле. Дверные рамы из кованого железа, штукатурка приглушенного желтого цвета. Здесь росли местные растения, из чего следовало, что им не требовалось много воды. На Юго-Западе много хорошего, но регулярные дожди в данную категорию не попадают.

Когда сапоги Пайн застучали по асфальту, она почувствовала, как жар проникает сквозь подошвы и носки до самых стоп. На такой высоте солнце палило нещадно, как в Денвере. И сейчас наносило мощные удары по Этли.

Она застряла в пробке из-за столкновения на дороге и поэтому вернулась в офис слишком поздно. Однако Блюм прислала ей новое сообщение по электронной почте. Пайн собиралась прочитать его, потягивая холодное пиво у себя в квартире. Таким было ее представление о том, как следует проводить свободный вечер – и не нужно выходить на улицу.

По пути от парковки к дому Этли прошла мимо двоих парней двадцати с небольшим лет. Они сидели в вишнево-красном «Форде F150» с высоким кузовом и мощными задними колесами. Машина выглядела вполне подготовленной для шоу «Битва автомобильных монстров». Парни курили «травку» и пили пиво. Один – индеец с длинными черными волосами, завязанными сзади кожаным шнурком, в гряз-

ных джинсах, разноцветной рубашке с короткими рукавами и покрытой пятнами широкополой шляпе; на поясе у него висел нож в кожаных ножнах. Второй – белый; от солнца кожа у него сильно шелушилась, и это сразу бросалось в глаза, потому что он был в майке. На поясе у него висела кобура с пистолетом «ЗИГ-Зауэр».

В штате Аризона было позволено носить оружие всеми возможными способами, открыто и скрытно; для этого не требовалось специального разрешения, обучения или мозгов.

Пайн посмотрела на подставку для ружья в кузове «Форда» – и увидела изящный «Браунинг», дробовик двенадцатого калибра и «АР-15», из которого можно убить очень много людей за весьма короткое время.

Одного из парней она узнала – и кивнула ему на ходу.

– Я слышал, ты работаешь на федералов? – заявил тип с обгоревшей кожей.

– А кто спрашивает?

Обгоревший кинул банку от пива в кузов «Форда».

– Когда-то я был федералом. Армия. Они меня трахнули, – негромко сказал он, с угрозой глядя на Пайн.

Она не сумела определить, под кайфом он или же просто мерзкий тип. Или и то и другое.

– Сожалею, если так.

– Так ты федеральный агент или нет? – спросил он, подходя ближе.

– Да, я федеральный агент.

– Они и тебя трахнут.

– Не сейчас, – ответила Пайн.

Он сделал затяжку.

– Может, тебе стоит бросить это, чтобы у тебя прояснилось в голове? – сказала Этли, не спуская с него взгляда. – В особенности если ты за рулем. Ты ведь не хочешь новых проблем с властями, верно?

– Мы в свободной стране, не так ли? Я *сражался* за это дерьмо.

– У тебя есть карточка, разрешающая медицинское использование марихуаны? В противном случае хранить ее и курить в Аризоне противозаконно. Кроме того, по федеральным законам ты не должен носить оружие, когда куришь «травку», хотя штат Аризона считает иначе.

– У меня ПТСР[12]. Я оставил карточку дома. Можешь арестовать меня, если хочешь.

– Если у тебя нет карточки, я могу тебя арестовать. Это серьезное уголовное преступление.

– Как я уже говорил, у меня *есть* карточка. Просто я ее забыл. Я воевал в Ираке, леди. Если б ты оказалась в Ираке, тоже стала бы курить «травку».

Пайн перевела взгляд на его приятеля, которого, казалось, не интересовала их беседа.

– А как насчет тебя?

---

[12] Посттравматическое стрессовое расстройство.

– Моя карточка также осталась дома.

Пайн покачала головой. Она не станет арестовывать этих парней. И все же…

Этли посмотрела на «АР-15» и сказала типу со сгоревшей кожей:

– Полагаю, твоя «АР» в полном порядке.

– Это не моя винтовка, – ответил тот.

– Конечно, – сказала Пайн, которой изрядно надоел этот разговор. – Ладно, парни, хорошего вам вечера. Только не принимайте наркотики, не пейте и не садитесь за руль, ладно? И поосторожнее с оружием.

Она собралась уйти, но Обгоревший встал у нее на пути.

– Я с тобой еще не закончил.

– А я закончила.

Когда Этли проходила мимо него, он грубо схватил ее за руку.

Пайн перехватила его запястье, резко завела назад и сильно толкнула наглеца головой вперед на «Форд». Он ударился лбом о металлический капот и медленно сполз на асфальт.

Свободной рукой Пайн выхватила из кобуры «Глок» и направила на его приятеля, который потянулся за ножом.

– Не делай этого, если не хочешь умереть прямо здесь! – рявкнула она. – Положи нож на землю и отбрось его ногой в сторону. Сейчас же.

Парень быстро выполнил ее приказ, положив нож на землю, после чего отбросил его в сторону на два фута.

Обгоревший негромко застонал и перевернулся на спину. Пайн наклонилась и вытащила его «ЗИГ» из кобуры.

– Эй, ты не имеешь права забирать мой пистолет! – запротестовал он.

Она направила на него «Глок».

– Если ты еще раз ко мне прикоснешься, то уже никогда не очухаешься. Понял?

Обгоревший не ответил, и Пайн ткнула его сапогом.

– Я спросила, ты меня понял?

– Ладно, я понял… Дерьмо!

– И скажи спасибо за то, что я не хочу тратить минуты своей жизни на таких идиотов, как вы. А теперь проваливайте отсюда.

Обгоревший с трудом поднялся на ноги и при помощи приятеля забрался на пассажирское место «Форда».

Когда индеец подошел, чтобы забрать нож, Пайн поставила на него ногу.

– Это вряд ли. – Она помолчала, внимательно разглядывая парня. – Я тебя знаю. Твоего старика зовут Джо Ядзи, верно? Ты его сын, Джо-младший. Ему известно, что ты водишься с такими ублюдками?

– Мне двадцать четыре года. И я могу гулять с кем пожелаю.

Пайн продолжала краем глаза наблюдать за Обгоревшим – вдруг тот потянется к «Браунингу» или «АР».

– Тогда думай головой, – сказала она, обращаясь к индей-

цу. – Что ты здесь делаешь?

– Тут живет наш приятель. Кайл Чавес.

Пайн кивнула. Она знала семью Чавес. Родители были нелегальными иммигрантами, но много работали, каждое воскресенье ходили к мессе, и у них никогда не возникало проблем. Однако их сын, Кайл, был источником самых разнообразных неприятностей. Пару раз он едва не попался Пайн.

– Как я уже сказала, думай головой.

– Думаешь, ты крутая? – закричал Обгоревший из машины.

– Увези его отсюда, пока я не передумала и не арестовала вас обоих, – сказала Пайн.

Ядзи быстро сел в «Форд», завел двигатель и уехал.

Пайн смотрела им вслед, пока машина не скрылась из виду.

Потом она подняла нож, засунула «ЗИГ» Обгоревшего в карман и стала подниматься по лестнице в свою квартиру.

Ей очень хотелось пива.

Глава 11

В электронном послании Блюм содержалась информация о сайте, на котором она нашла две исходные статьи. Если буквы, вырезанные на муле, указывали на Джордана и Кинкейда, то оставивший их человек мог иметь доступ к этой информации.

Всякий раз, заходя на цифровой сайт, ты оставляешь электронные отпечатки в виде собственного IP-адреса. Бюро арестовало множество мошенников, которые этого не знали. Пайн понимала, что шансов очень мало, но Блюм рассказала ей, что существует совсем немного сайтов, имеющих отношение к данной теме, так что им могло повезти. При обычных обстоятельствах Этли переправила бы информацию специалистам по информационным технологиям Бюро, которые проверили бы сетевой трафик.

Однако сейчас ей совсем не хотелось так поступать.

Глаза на затылке.

Так ей сказал Эйвери, однако он не был ее союзником. Тем не менее оставался начальником, и не исключено, что решил помочь по какой-то пока неизвестной ей причине. Или просто предоставил действовать самостоятельно. Лишь время покажет, какая из версий верна.

Пайн допила пиво и достала из холодильника две свиных сосиски. Она уже разожгла стоявшую на балконе маленькую

жаровню, которая досталась ей вместе с квартирой, – предыдущий жилец не стал ее забирать. Оставалось лишь добавить новую порцию угля. Этли не слишком хорошо готовила, но каждый день есть вне дома было для нее слишком дорогим удовольствием, к тому же следовало заботиться о здоровье.

Она бросила плоские сосиски на горячий гриль, и ее тут же окутал аромат мяса со специями.

Потом Пайн достала из холодильника бутылку с водой, откупорила ее и сделала несколько больших глотков. Обезвоживание становилось здесь серьезной проблемой. Многие из тех, кто отправлялся в Гранд-Кэньон, всякий раз об этом забывали, несмотря на предупреждающие знаки, развешенные повсюду; в них говорилось, сколько воды и соли следует взять с собой и какое количество нужно употреблять во время путешествия. Обезвоживание несло смертельную угрозу. Артериальное давление падало до опасно низких значений, сердце билось медленнее, и некоторые органы могли отказать. Тогда тебе конец. И все из-за недостатка воды.

Пайн сделала немного салата – помидоры, огурцы, сахарный горох и свекла, – полила его лимонной заправкой домашнего изготовления и поставила тарелку на кухонный стол. Потом проверила сосиски. Они были готовы брызнуть соком, а еще на них остались следы горячего гриля.

Как раз как она любила.

Этли села за стол и поела, одновременно изучая сайт, адрес которого ей прислала Блюм. Его авторы были явно по-

мешаны на теории заговора. Вся страна, а быть может, и весь мир погружались в паранойю. И никто не знал, чего больше – вреда или пользы – приносит Интернет.

Пайн написала сообщение другу, работавшему в дополнительном офисе «Гугла», расположенном в Солт-Лейк-Сити, рассказала ему о сайте и попросила отследить IP-адреса тех, кто туда заходил в течение последних нескольких недель. Она не представляла, насколько велик входящий трафик, и решила, что будет правильно ввести ограничение по времени, чтобы понять, сколько человек придется проверить.

Затем закончила ужин и сложила посуду в посудомоечную машину.

Было почти девять часов, но Этли не чувствовала усталости.

Вскоре пришел ответ от ее друга из Солт-Лейк-Сити. Он получил всю нужную информацию и завтра постарается сообщить ей, что ему удастся узнать.

Пайн откинулась на спинку стула и стала обдумывать то, что ей было известно. Но надо сказать, что в голове у нее царила изрядная мешанина. Как мул с вырезанными на шкуре буквами связан со старой легендой и исчезнувшим военным подрядчиком, а еще с человеком, который выдавал себя за него?

Нет, тут она ошибалась. Пока у нее не имелось доказательств, что Бенджамин Прист *был* военным подрядчиком. Он мог быть кем-то совершенно другим. К тому же Бенджа-

мина Приста даже нельзя назвать пропавшим – исчез человек, который назвался его именем.

И почему этим делом заинтересовалась Служба национальной безопасности?

Пайн даже не могла доказать, что настоящий Бенджамин Прист когда-либо посещал Гранд-Кэньон. Она знала лишь, что кто-то, выдававший себя за него, спустился на дно каньона, а потом исчез, оставив тело изувеченного мула.

Сбежал ли самозванец ночью? Некоторые туристы проходят по тропе от одного края до другого по ночам, спасаясь от дневной жары, – ведь с мая по сентябрь воздух там как в сауне.

Этли множество раз проделывала этот путь по ночам, несколько часов спала на берегу реки Колорадо, потом поднималась на противоположную сторону, чтобы увидеть рассвет. Однако она находилась в превосходной физической форме, хорошо знала маршрут, и у нее было необходимое снаряжение, в том числе налобный фонарик. Идти в темноте по неровным скалистым тропинкам без освещения – настоящее самоубийство.

Значит, парень, который заметно нервничал, когда спускался в каньон на муле, совершил путешествие пешком ночью, да еще в одиночку? Пайн не могла объяснить такое явно нелепое предположение. Но она понимала, что едва ли ей удастся сегодня вечером разобраться с этой загадкой.

Она разделась, приняла душ и надела спортивные шор-

ты и белую майку. Сидела на кровати и рассматривала свои покрытые жесткими мозолями руки. Ей пришлось сильно скрести пальцы, чтобы избавиться от мелких частичек мела, оставшихся после работы со штангой.

Когда не уезжала из города, чтобы провести расследование, она три раза в неделю ходила в спортивный зал в центре Шеттерд-Рок. Раньше в здании находился китайский ресторан, но оказалось, что жители города предпочитают тягать железо, а не есть курицу «гунбао». Рядом расположился зал смешанных боевых единоборств, где Пайн занималась кикбоксингом другие три раза в неделю.

Однако на седьмой день, в отличие от Бога, она не отдыхала. Надевала кроссовки «Найк» и бегала по плоским сухим равнинам, позволяя безжалостному солнцу прожаривать ее тело. Не получивший статуса города Туба-Сити находился на востоке от Шеттерд-Рок и примыкал к западной части территории навахо, совсем как вводное слово. Шеттерд-Рок вырос за пределами границ владений навахо, внутри Пейнтед-Дезерт. Лето здесь стояло жаркое и сухое, зима была холодной и столь же сухой из-за служивших барьером гор на юге.

После первой проведенной здесь зимы Пайн думала, что ее кожа в буквальном смысле начнет слезать. Она извела тонну смягчающих кремов, а в ее квартире и офисе с ноября по апрель работали увлажнители воздуха. Тем не менее ей приходилось коробками покупать бальзам для губ и крем «Авино».

Этли улеглась в постель, положив одну руку на лоб и продолжая смотреть в темный потолок. Было немногим больше десяти, и даже через закрытое окно до нее доносился злобный вой койота.

В сельских районах Джорджии также водились койоты. Однажды у нее на глазах отец пристрелил одного из них, когда тот попытался украсть их цыплят. Однако он был не лучшим стрелком, и койот умер не сразу. Пайн помнила, как она плакала, когда смотрела на несчастное животное, корчившееся от боли. Должно быть, пуля попала в спину, и у него отказали задние ноги. Отец подошел к нему и хладнокровно выстрелил в голову, избавив от страданий. Затем вернулся к единственной оставшейся дочери, вытащил изо рта тлеющую сигарету и засунул все еще дымившийся пистолет за пояс.

– Послушай меня, Ли: нельзя заставлять живых существ страдать. Они, как и мы, созданы Богом, и нам следует избавлять их от мучений, понимаешь? Ты меня слышишь, девочка? Боль – это плохо. Неправильно. Ты меня слышишь?

Это случилось уже после того, как у них отняли Мерси. Все они изменились, побывав на краю; их жизнь стала другой. Боль… да, они были уверены, что Мерси испытывала боль.

Этли вытерла глаза и кивнула отцу, но не могла оторвать глаз от мертвого животного, чей застывший взгляд был направлен, как ей казалось, исключительно на нее, пока кровь

вытекала из изуродованной головы. И она знала, что не забудет его жалобный вой, когда в него попала первая пуля. Его убили за то, что он просто охотился, чтобы поесть. Она не забудет, как он корчился на земле с изуродованной спиной, не понимая, что случилось, но инстинктивно чувствуя, что его жизнь подходит к концу, отчаянно пытаясь встать и убежать.

И выжить.

Эта мысль заставила Пайн вспомнить о сестре.

И о том, что Мерси могли оставить примерно в таком же состоянии, когда ее унесли из единственного дома, который она знала. Какая-то неизвестная сила отняла у нее жизнь. Без всякой на то причины, если не считать прихоти жестокого безумца.

Избавил ли кто-то тебя от мучений?

Забрал ли твою боль, Мерси?

Я надеюсь, что так и было. Я молюсь об этом.

И тут Пайн наконец захотела выпустить то, что слишком долго находилось у нее внутри. Она превратилась в перегороженную плотиной реку, мучительно пытавшуюся вырваться на свободу.

Но у нее не получилось. Слезы не приходили.

Впечатляющий образ Дэниела Джеймса Тора промелькнул перед ее мысленным взором.

Если он забрал Мерси, Пайн молилась, чтобы ее конец был быстрым. Но она слишком хорошо знала историю Тора,

чтобы поверить в это.

Так и заснула, думая о сестре. И сон ее был тревожным.

Впрочем, так бывало почти всегда.

Глава 12

Поисковые собаки – нулевой результат.

«И что тут удивительного?» – подумала Пайн.

В длину каньон достигал 280 миль и в ширину – почти 18, с огромным количеством укромных уголков и расселин, которых не сосчитать за всю жизнь. Поэтому не стоило удивляться, что тело найти не удалось. Однако не следовало исключать, что труп не удалось обнаружить по той простой причине, что в каньоне его не было.

Рано утром Ламберт прислал Этли сообщение о результатах поисков – точнее, об их полном отсутствии.

У Пайн не было ресурсов, чтобы проверить весь каньон, как и ни у кого другого. Не говоря уже о могучей реке Колорадо, действующей на твердый и мягкий камень, из которого состоял Гранд-Кэньон, одновременно как отбойный молоток и скальпель. Именно по этой причине он и существовал. Если мистер Мошенник упал в ледяные быстрые воды Колорадо, его тело могло сейчас находиться в Мексике.

Пайн надела спортивный костюм, захватила сумку со сменой одежды, которую приготовила с вечера, села во внедорожник и уехала.

Путь до спортивного зала занимал десять минут. Впрочем, за это время можно доехать до любого места в Шеттерд-Рок. Час пик наступал в тот момент, когда тебе удава-

лось увидеть две едущих машины одновременно. Пайн припарковалась на пустой улице.

Было еще рано и совсем нежарко. Но солнце уже взошло, и очень скоро станет теплее, а потом всякий, кто окажется под открытым небом, будет потеть, если начнет двигаться чуть быстрее, чем очень медленным шагом.

Пройдет еще два месяца, прежде чем погоду можно будет назвать прохладной или освежающей.

Но сейчас Пайн собиралась вспотеть *изнутри.*

Она вошла в зал и кивнула владельцу.

Его звали Кенни Куни, уроженец острова Мауи. Рост пять футов и восемь дюймов, вес 240 фунтов, мощные плечи.

Он занимался у стойки, и на грифе его штанги было столько блинов, что тот выгибался под их тяжестью. Куни кивнул в ответ и сделал очередной подход. Его футболка пропиталась по́том в процессе битвы со штангой, а шорты сильно натянулись на мощных загорелых бедрах с выступающими венами.

Его спортивный зал принадлежал к традиционной школе – здесь отсутствовали модные излишества, имелся лишь необходимый минимум для серьезного любителя тяжелой атлетики.

И еще одно: Кенни не верил в кондиционеры во время занятий спортом. В зале стояли лишь два напольных вентилятора, неспешно гонявших теплый воздух слева направо и обратно. Если ты не начинал здесь потеть, тебе следовало про-

верить свои железы и поры.

В зале находились еще два человека. Оба бывали здесь постоянно. Один, высокий черный мужчина лет пятидесяти с великолепным прессом, другой – коренастый белый лет сорока, который разрабатывал поврежденное колено. Пайн не знала их имен, более того, никогда не спрашивала. Ей было лишь известно, чем они обычно тут занимались. Вероятно, и им про нее – ничуть не больше. Постоянные посетители приходят сюда не для разговоров, а для того, чтобы поднять как можно больше железа. И они берегут дыхание – ведь, если все делать правильно, у тебя не остается сил на болтовню.

Пайн сняла толстовку, под которой была надета майка, и стали видны все четыре татуировки. На дельтовидной мышце астрологический символ Близнецов. Римская цифра два, похожая на символ «пи», но с дополнительной черточкой внизу. Другую дельтовидную мышцу украшал астрологический символ планеты Меркурий, управляющей миром близнецов. Он состоял из креста внизу, круга в верхней его части и направленного вверх полумесяца в верхней части круга.

Вдоль обеих длинных рук Пайн, начинаясь на предплечьях и заканчиваясь на дельтовидных мышцах, шли слова: «Без Пощады»[13].

Близнецы, общность, сестры. Пайн сделала татуировки еще в колледже. Когда она участвовала в соревнованиях по

---

[13] No Mercy – «нет милосердия», или «нет пощады» (*англ.*); имя сестры Этли Пайн – Мерси – означает «милосердие».

тяжелой атлетике, многие про них спрашивали, потому что она их не прятала, но Этли никогда не отвечала на подобные вопросы. Они предназначались только для нее и сестры и ни для кого другого.

Она размялась и начала яростно поднимать штангу, направляя на железо разочарование от бесплодного расследования.

Многочисленные приседания со штангой, затем упражнения для пресса, стойка, становая тяга, рывок, отжимания от пола на одной ноге, подтягивания на перекладине, отжимания на брусьях, броски медицинского мяча, маятниковые подъемы с тридцатифунтовыми гирями, а потом с сорокафунтовыми.

Затем несколько статических упражнений, так что пот лил с нее градом, пока Пайн стояла неподвижно; затем бесконечная серия выпадов с гирями, отжимания с гирями и поднятыми ногами, скручивания брюшного пресса, приседы сумо с гантелями, а напоследок еще десять минут скакалки со скрещиваниями на каждом пятом прыжке.

И вот наступил последний и главный номер программы. Все остальное было просто разминкой. Репетицией перед решающим шоу. Этли хотела это делать на фоне усталости; в противном случае оно не имело ни малейшего смысла.

Пайн надела диски на гриф, намазала мелом руки и склонилась над штангой.

Она была высокой для женщины, занимающейся тяжелой

атлетикой. В этом имелись как плюсы, так и минусы. С точки зрения физики низким людям приходится поднимать вес на меньшую высоту. К тому же короткие мышцы лучше подходят для взрывных нагрузок, все по тем же законам. Однако более длинные мышцы Пайн давали ей огромный рычаг, недоступный для более коротких.

Она закрыла глаза и полностью сосредоточилась на своей задаче, как способны лишь тренированные атлеты. Разум готов; теперь необходимо совершить так называемый «динамический старт», который позволит отделить вес от пола. Сделав неожиданное резкое движение и одновременно присев на корточки, Пайн чисто выполнила первую часть подъема, и гриф оказался у нее под подбородком. Затем выпрямила ноги и поднялась вместе со штангой, завершив первую фазу упражнения. Резко выдохнув, вскинула штангу над головой, одновременно исполнив разножку. Оставалось лишь поставить ноги параллельно и удержать вес.

Быстро и четко. Вес взят.

Выполнение олимпийских упражнений – это больше, чем считают обычные люди. Речь идет не только о грубой силе. Пайн видела огромных мужчин, намного более мускулистых и жилистых, чем она, которые не могли сделать толчок или рывок с весом, вполне доступным для нее. Да, конечно, необходимо быть сильным, но твоя техника должна быть безупречной. Вот почему такие термины, как *разножка, подъем на грудь, присед, динамический старт и второй*

рывок навсегда поселились в ее сознании и мышечной памяти. Необходимо проделать все этапы в определенном порядке, с использованием переднего и верхнего моментов движения, чтобы у тебя появился шанс сдвинуть двойные колонны массивных дисков, находящихся по обе стороны грифа.

Пайн бросила штангу и остановила ее движением руки, когда та подпрыгнула вверх, после чего огромный вес остался лежать на полу. Великолепно отработанное движение, которое она делала тысячи раз.

Она сняла несколько дисков, вновь поставила фиксирующие кольца и приготовилась, восстанавливая дыхание, расслабляя ноги и еще раз натирая мелом руки. Для этого упражнения Этли надела кожаные кистевые лямки на запястья, потому что нагрузка на суставы будет огромной. А так она получала гарантии, что ее руки и металл не пойдут в разные стороны.

Ладно, а это за «золото». Или хотя бы за место в проклятой команде. В мечтах.

Пайн наклонилась, установила кистевые лямки, широко расставила руки так, что те касались дисков, и крепко сжала гриф. И снова сосредоточилась. Данное упражнение требовало не только физических, но и интеллектуальных усилий. Возможно, интеллектуальных даже в большей степени. Она представила выброс силы и точный рывок, требовавшиеся для того, чтобы оторвать вес от пола и поднять его над головой одним плавным движением. Гриф на несколько мгнове-

ний окажется на уровне талии, затем последует мощный рывок, и она взметнет штангу над головой – прямые руки, зад в нескольких дюймах от пола. Не самое естественное движение, оно требует огромной внутренней силы и концентрации. И здесь нельзя допустить даже минимальную ошибку.

В этом суть рывка.

«Тот, кто придумал это движение, был больным ублюдком», – подумала Пайн.

Рывок всегда получался у нее хуже; он был ее заклятым врагом, ее Ватерлоо, причиной, по которой Этли не попала на Олимпийские игры в Афинах 2004 года, где когда-то давным-давно началось олимпийское движение. Насколько особенной была та Олимпиада? Ну, Пайн так и не узнала…

Она выровняла дыхание, постепенно увеличивая продолжительность вдохов и выдохов. Теперь ей оставалось выбрать оптимальный момент для последнего вдоха и выдоха, чтобы приступить к первой фазе рывка. Сейчас все упиралось во время, технику и уровень взрывной силы, которую не в состоянии осознать большинство мужчин и женщин.

Этли провела первую часть безупречно, сидя на корточках с разведенными в стороны руками в виде буквы V и штангой точно над головой, а ее зад почти касался покрытого резиной пола. Тяга, приложенная сила, исполнение получились едва ли не самыми лучшими за все время.

Однако она еще не закончила упражнение.

Ладно, Этли, это же ради денег. Просто встань. Что мо-

жет быть проще. Просто встань. Один… два… три…

Но когда она попыталась встать, все пошло не так – дрожание бедра, судорога подколенного сухожилия, слегка подался в сторону левый трицепс – и ей пришлось бросить штангу, а самой упасть назад.

Она так и осталась сидеть, тяжело дыша; с ее лица на грудь стекал пот, взгляд был устремлен в пол.

Поражение.

Мужчины, занимавшиеся в зале в начале ее тренировки, давно ушли.

Но Кенни Куни оставался рядом.

– С вами всё в порядке? – небрежно спросил он, отрываясь от бумажной работы, которой занимался у стойки.

Пайн кивнула и выставила вверх большой палец.

Такое с ней случалось не в первый раз.

Куни вернулся к работе.

– Дерьмо, – пробормотала Этли.

Она была не на высоте. Несмотря на безупречно выполненную первую часть попытки, допустила ошибку в финале, а все остальное не имело значения. Ее ментальная механика полностью разрушена. Запугали. Она боялась.

Дерьмо.

Наконец Пайн поднялась на ноги, выполнила несколько упражнений из йоги и пилатеса, что было необходимо, чтобы правильно закончить тренировку. Все ее мышцы чувствовали себя хорошо; сухожилия, связки и хрящи благодарили за

облегчение после безжалостной работы с железом.

Она приняла душ, переоделась в одежду для работы и вышла из зала с еще мокрыми волосами.

Это было ее личное время. А теперь до конца дня ею завладеет ФБР.

Глава 13

Пайн подъехала к своему офису и свернула на подземную парковку. Там сидел дежурный, а когда рабочий день закончится, верхнюю дверь опустят, и потребуется ключ для доступа на парковку.

Такой уровень безопасности не имел отношения к Пайн.

Просто в том же здании находился еще один орган юстиции.

ИТС. Иммиграционная таможенная служба.

Сейчас оно больше известно как иммиграционная служба. Ее сотрудники активно действовали в Аризоне, выявляя и депортируя большое количество людей, превратив свою деятельность в настоящий политический футбол. В результате им стали угрожать, и все здание могло стать мишенью для террористического акта. Отсюда охрана и дополнительный замок с карточкой-ключом.

Пайн периодически встречала в здании парней из ИТС. Она знала всех работавших здесь агентов, но редко разговаривала с ними, потому что они держались особняком. Этли представляла ФБР под началом Управления юстиции. ИТС входило в состав Министерства внутренней безопасности. Таким образом, имело место некоторое соперничество на федеральном уровне, но обычно их интересы не пересекались. Однако они также являлись федеральными агентами,

и Пайн была готова прикрыть им спину.

Подземный гараж днем защищал машины от солнца. Здесь это было необходимо, в особенности летом. В противном случае ей пришлось бы на несколько минут включать кондиционер на полную мощность, прежде чем сесть в машину. И даже после этого, оказавшись внутри, она сразу вспотела бы.

Пайн припарковалась рядом с автомобилем, накрытым брезентом.

Эта машина когда-то принадлежала агенту-ветерану ФБР по имени Фрэнк Старк, который был ее наставником во время второго назначения после Куантико[14]. Все агенты ФБР получают документы, значки и *первое* назначение после окончания учебы. Его цель – выяснить, способны ли они работать в поле. Через год испытательный срок заканчивается, и их отправляют на новое место.

Пайн выпало ехать в Кливленд, который в кругах ФБР иногда называют «ошибка на озере».

Именно там она познакомилась со Старком.

Этли подняла брезент и посмотрела на кабриолет «Форд Мустанг» 1967 года с внутренней отделкой из кожи и таким же верхом, классического бирюзового цвета. Старк с помощью молодого агента Пайн старательно восстановил этот автомобиль.

---

[14] Куантико, штат Вирджиния, – место расположения, в частности, Академии ФБР.

Они работали в гараже-мастерской Старка за его домом, построенным в пятидесятых годах двадцатого века, одним из множества точно таких же коттеджей, которые тянулись до самого горизонта.

Когда Старк спросил, хочет ли Пайн помочь, в первый момент она собралась отказаться. Ни для кого не являлось секретом, что это последнее назначение Старка, который просто ждал момента, когда можно будет выйти на пенсию. У него было хобби: он восстанавливал старые автомобили. Но что-то в просьбе пожилого агента задело тайную струну в душе Этли, и она согласилась помочь. Во всяком случае, на некоторое время.

Они начали с того, что разобрали машину на мелкие детали, тщательно описав каждую и складывая их в коробки с соответствующими этикетками. Кое-что оставили, что-то пришлось заменить. В процессе они сделали множество фотографий. Раздевая машину до металлических костей, использовали скорлупу грецких орехов и пескоструйную обработку, чтобы полностью убрать всю краску и при этом не оставить следов на металле. Существуют специальные инструменты для полной разборки машины, хотя иногда они импровизировали, пуская в дело открывалку для бутылок, чтобы снять водосточный желобок. Усилили панель пола в багажнике, чтобы переделать обычный глушитель на два.

Шасси пришлось заново отполировать и покрыть специальной серебряной грунтовкой. Внешнюю обшивку устано-

вили заново после тщательной шлифовки и ремонта, а в тех случаях, когда это было невозможно, поставили новые металлические панели, сделанные по исходным спецификациям местной компанией, найденной Старком. Затем покрасили внешнюю обшивку в тот же оттенок бирюзы, что и на оригинале. Кроме того, полностью переделали электрику, покупая новые болты и гайки либо приводя в порядок старые.

Завершив покраску, они установили «Динамат», который отправлял шум и жар от выхлопных газов под машину, где им было самое место. Изначально на машине стоял восьмицилиндровый двигатель мощностью в 289 лошадиных сил, но на данную модель поставили всего несколько сотен таких движков. В 1967 году был сделан новый шаг в конструкции «Мустанга», и появилась возможность устанавливать более мощный двигатель. Они решили, что мощность в 390 лошадиных сил, как на большинстве «Мустангов», выпущенных в том году, будет в самый раз, но это привело к необходимости двойного выхлопа, поскольку одна выхлопная труба не выдерживала нагрузок. В результате их восьмицилиндровый мотор с исходной мощностью в 390 лошадиных сил выдавал 320, что очень хорошо для автомобиля такого размера.

Откидной верх не подлежал восстановлению, но Старк нашел компанию, занимавшуюся подобным ремонтом, и они установили его на место. Потом пришел черед новых шин и ободов, хромированных передних и задних бамперов, совершенно новых сигнальных фонарей, передних и задних сиде-

ний, обитых кожей, а также огромного количества ручной работы и чрезмерных сумм денег, которые Старк поначалу тратить не собирался.

Однако Пайн чувствовала, что агент-ветеран, бездетный вдовец, просто хотел чем-то заполнить свое одиночество, и понимала, что жизнь его станет и вовсе пустой после того, как он сдаст значок. А так как Пайн была столь же одинока, они оказались идеальной парой. Могли часами и даже днями работать вместе, обмениваясь лишь короткими фразами вроде: «Передай мне тот ключ» или «Принеси холодного пива».

Добровольная помощь Этли растянулась на два года. Старк вышел на пенсию через месяц после того, как они закончили свой грандиозный проект. Одновременно Пайн перевели на новое место. Но перед этим они совершили долгую поездку на полностью восстановленном «Мустанге». Старк разрешил ей сесть за руль на обратном пути, и на автостраде она опустила верх, позволив мощному выхлопу могучего двигателя пронестись над асфальтом, когда они, как ракета, мчались вперед.

Они заранее решили, что в том случае, если их остановят полицейские, покажут свои значки агентов ФБР, чтобы избежать неприятностей. Федеральные агенты решили, что они заслуживают такого послабления.

Они мчались со скоростью сто двадцать миль в час, с опущенным верхом; ветер разметал волосы Пайн, и она по-

думала, что не испытывала ничего лучше за многие годы. Она действительно чувствовала себя великолепно. И если б Старк не был на тридцать лет старше ее и дьявольски капризным, она могла бы, в приступе эйфории, его поцеловать.

К несчастью, через месяц после того, как Пайн перевели в другое место, Старк умер от сердечного приступа. Его нашли в гараже; он сидел на стуле, рядом валялся выпавший из его руки гаечный ключ.

Этли была ошеломлена, когда узнала, что Старк написал завещание, в котором оставил ей права на «Мустанг». Она приехала, чтобы забрать его, и с тех пор он сопровождал ее на каждое новое назначение.

Когда Пайн перебралась на новое место на Запад, она перегнала «Мустанг», но не стала держать его возле своего дома после перевода в Шеттерд-Рок, а поставила здесь, где он был защищен от солнца и двуногих хищников. Ей до сих пор снились кошмары о том, как кто-то угоняет уникальный автомобиль, а потом разбивает его.

Пожалуй, это единственное, чем она владела. Всякий раз, садясь за руль «Мустанга», вспоминала, как много работы вложено в его восстановление. Он олицетворял два года ее жизни и самую длинную личную связь, какая у нее была, длиннее, чем отношения с мужчинами.

Пайн провела ладонью по крылу и подумала о Старке, наделенном удивительной мудростью. Он, вне всякого сомнения, мечтал о дочери, которой у него уже быть не могло, по-

ка среди его коллег не появилась Пайн, всего лишь год назад закончившая обучение в Куантико.

Он был хорошим другом, быть может, единственным настоящим другом в Бюро, да и в любом другом месте.

Однажды, когда они устанавливали четырехкамерный карбюратор «Холли», Старк сказал, что Бюро было его жизнью. И единственным исключением явилось восстановление старых автомобилей.

Он вытер руки старой тряпкой, глотнул пива из пластикового стаканчика и, глянув на нее из-под клочковатых седых бровей, прорычал:

– Не повторяй мою ошибку, Пайн. Пусть для тебя все будет иначе.

Она подтянула последний болт на карбюраторе и посмотрела на своего наставника.

– Откуда вы знаете, что это было ошибкой?

– Если ты задаешь такой вопрос, значит, ничего не извлекла из этой истории.

Как если бы восстановление «Мустанга» являлось *серьезным делом,* а не обычным ремонтом старого автомобиля.

Но, кто знает, быть может, так оно и было… Возможно, Пайн что-то поняла. Но из этого еще не следовало, что она попытается что-то изменить.

Этли опустила брезент и направилась к лестнице, которая вела к ее офису, когда зазвонил сотовый телефон.

Это был ее приятель, специалист по информационным

технологиям из Солт-Лейк-Сити.

– Что-нибудь нашел? – спросила она, входя в коридор, в конце которого находился ее кабинет.

– Да, нашел, но как-то все странно.

– Это расследование вообще очень странное… Что ты обнаружил?

– За последние несколько месяцев на сайт заходило много народа. Я не смог отследить всех, но один заметно выделяется.

– И кто же он?

– Я узнал один из IP-адресов, – последовал неожиданный ответ.

– И как ты смог это сделать?

– Потому что он принадлежал *тебе,* Этли.

– Ну, это я и так знаю, – нетерпеливо сказала она. – Я недавно заходила на сайт, чтобы проверить его. Кстати, моя секретарша тоже. Именно она рассказала мне о нем.

– Я узнал твой адрес после того, как ты вошла со мной в контакт. Но когда стал проверять дальше, на глаза мне попались странные строчки кода, поэтому тебе стоит попросить ваших компьютерных спецов из ФБР проверить твой лэптоп.

– Зачем?

– Я думаю, что его взломали.

Глава 14

– Кофе, агент Пайн?

Этли вошла в офис, где ее приветствовала Блюм. Немолодая женщина, как всегда, была одета как истинный профессионал: юбка, пиджак, туфли-лодочки, чулки, минимум украшений и чуть меньше макияжа, чем обычно.

Пайн рассеянно кивнула и вошла в свой кабинет. Закрыла дверь, села за стол и посмотрела на компьютер.

Взломан?

Кем и почему?

Приятель рассказал ей кое-что еще. Тот, кто взломал ее компьютер, мог сделать это удаленно. Иными словами, взять компьютер под контроль и заставить его делать все, что пожелает злоумышленник, даже не входя в здание.

– Если он сумел проникнуть в твой компьютер, – добавил ее приятель, – тогда он может видеть, как ты нажимаешь на клавиши.

Пайн выдернула из сети провод питания в тот самый момент, когда Блюм вошла в кабинет с чашкой кофе.

– Проблемы? – спросила секретарша.

– Мой компьютер взломали, – ответила Этли.

– Следует ли мне выключить из сети и мой?

– Вероятно, да.

– Я немедленно свяжусь со службой поддержки во Флаг-

стаффе, – сказала Блюм. – Они кого-нибудь пришлют.

– Благодарю.

– Это как-то связано с сайтом, который я вам показала? – спросила Блюм.

– Не знаю. Может быть.

Секретарша вышла и закрыла за собой дверь.

Пайн взяла телефон и посмотрела на него. Возможно, с ним тоже что-то не так?

Она бросила взгляд на стационарный телефон, стоявший на письменном столе. Чтобы подслушивать разговоры по нему, злоумышленнику пришлось бы пробраться в ее кабинет или к распределительному щитку, находящемуся в подземном гараже, в запертом помещении с видеонаблюдением, благодаря присутствию здесь коллег из ИТС. Пайн сомневалась, что кто-то способен это сделать.

Когда из Флагстаффа приедут специалисты, она попросит их проверить всё. А до тех пор Этли решила ни с кем не входить в контакт – ни из кабинета, ни по личному телефону.

Она оставила чашку с кофе на столе и вышла из кабинета, миновав Блюм на такой скорости, что та лишь успела сказать:

– Агент Па…

Но Пайн уже закрыла за собой дверь. Затем сбежала вниз по лестнице в гараж, села в свой внедорожник и выехала на улицу.

В трех кварталах находился дежурный магазин, где име-

лось то, что ей сейчас было нужно и что стало почти невозможно найти.

Пайн припарковалась на свободном месте перед магазином, выскочила из машины и по прямой направилась к таксофону, который стоял рядом с автоматом, продававшим пакеты со льдом. В Шеттерд-Рок имелось несколько телефонов-автоматов по двум причинам: далеко не у всех были мобильники, хотя в это трудно поверить, и мобильная связь здесь не отличалась надежностью.

Она скормила телефону несколько монет и набрала номер.

Парковый рейнджер Ламберт поднял трубку после второго гудка.

– Алло?

– Колсон, это Этли.

– С какого номера вы звоните? – спросил он.

– Не имеет значения. Послушайте, у вас произошло что-то необычное в связи с исчезновением Приста?

Пайн так и не сказала Ламберту или кому-то еще, что человек, называвший себя Бенджамином Пристом, на самом деле им не являлся.

– Что вы имеете в виду под словом «необычное»?

– Все, что выходит за рамки нормального. Например, делал ли кто-то из верхней части пищевой цепочки о нем запрос?

– Нет, ничего похожего не было.

– Есть ли что-то новое в расследовании?

– Собаки ничего не нашли, как я уже докладывал. Мы проверили все возможные варианты.

– Приступят ли теперь к расследованию агенты парковой службы?

– Это выходит за пределы моей компетенции.

Пайн нахмурилась, глядя на таксофон. Совсем не похоже на Колсона Ламберта, которого она знала.

– Эдвард Прист прислал вам фотографию брата?

– Послушайте, Этли, не хочется показаться грубым, но мне пора идти. У меня дела в офисе. До встречи.

И он отключил телефон.

Пайн медленно повесила трубку на рычаг. Ну, косвенно он ответил на ее вопрос. С его стороны *происходили* странные вещи.

Этли бросила в автомат еще несколько монет и набрала следующий номер. Серия длинных гудков, затем включился автоответчик. Однако его память была переполнена, и она не смогла оставить сообщение.

Разочарованная Пайн вернулась в свой внедорожник и уехала. На всякий случай проверила в зеркале заднего вида, не следует ли за ней какой-то автомобиль.

На обратном пути в офис она размышляла о том, что делать дальше.

Ламберт намерен ее игнорировать, это очевидно. Автоответчик Эдварда Приста переполнен сообщениями. Ее ком-

пьютер и, возможно, сотовый телефон подверглись атаке хакеров. Отделение национальной безопасности Бюро каким-то образом вовлечено в расследование. Босс ее начальника позвонил ей, задавал вопросы только об одном деле и практически прямо предупредил о необходимости соблюдать осторожность.

Ко всему прочему она расследует исчезновение человека, который предположительно является кем-то другим, вот только это не так. Где он может быть? И где настоящий Бенджамин Прист?

Кто убил и изуродовал несчастного мула? Зачем? И какое отношение ко всему этому может иметь, скорее всего, фальшивая история более чем столетней давности о египтянах в Гранд-Кэньон?

Пайн провела ладонью по еще влажным волосам и решила, что сейчас самый подходящий момент вернуться на место преступления.

Она развернулась и поехала на запад.

Тридцать минут спустя Этли уже находилась возле южного края каньона. Ее федеральный значок давал ей доступ в парк в любое время. Она поставила внедорожник на свободное место возле здания Главного управления парка, на участке, зарезервированном для парковой полиции. На ее внедорожнике стояли федеральные номера, и Пайн сомневалась, что у нее могут возникнуть проблемы.

Она вышла из машины и огляделась по сторонам. Вокруг

было полно туристов. Большинство просто разгуливали возле края каньона, наслаждаясь видом и делая фотографии. Некоторые останавливались на ночь в мотелях. Другие возвращались обратно. Кто-то брал в аренду мулов, чтобы спуститься в каньон, или делали это на своих двоих.

Несмотря на огромную популярность среди туристов, Гранд-Кэньон считался экстремальной средой. Каждый год здесь умирали люди. Причины были самыми разными: сердечные приступы, падения с высоты, столкновения с животными, обезвоживание, гипонатриемия, дисбаланс электролитов, когда человеческий мозг раздувается из-за избытка жидкости. Кроме того, гибли любители прогулок на плотах в опасных стремнинах реки Колорадо.

Пайн увидела мужчину в спортивных шортах, майке и беговых кроссовках, бежавшего по дорожке к парковке. Он остановился, сделал несколько растяжек и направился к грязному «Джипу» с опущенным брезентовым кузовом. На переднем бампере стояла приводная лебедка. На заднем красовалась наклейка: АРМИЯ СИЛЬНА.

– Привет, Сэм.

Сэм Кеттлер повернулся, услышав голос Пайн.

Она подошла к нему.

– Разве вы не работаете здесь вечерами?

– Обычно, но не сегодня, – ответил Сэм.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.